

Служба не за страх, а за совесть

Книга Ивана Романова «Служба ратная» — документальное повествование о деревенском детстве, когда рождался характер, и о службе в органах милиции: расследования преступлений, сложнейших, а порой и причудливых, для чего оперативному сотруднику требовались познания в экономике, политике, психологии, требовалось острое логическое мышление, но и богатое воображение, кое обретается благодаря чтению русской классической литературы.

Неисповедимы пути Господни, а посему таинственны, причудливы пути, кои в долнем мире сближают людей, ремеслом столь далеких друг другу, что и диву даешься. Маловедомый российскому читателю, живущий тихо, порой перебиваясь с хлеба на квас, сочиняющий повести, рассказы и очерки о деревенской жизни, о природе, о писателях и художниках, разве мог я провидеть, что однажды, лет двадцать назад, встречу Романова Ивана Ивановича, о ту пору преуспевающего подполковника милиции, матёрого сыщика, и наша встреча воплотится в пожизненную дружбу.

Впрочем, сближало нас крестьянское происхождение, а посему, не вдаваясь в милицейскую судьбу героя... в очерке расписано... скажу о русском крестьянстве... Здесь не во грех привести отрывок из очерка «Русский обычай», что в прошлом году с Божией помощью завершил: *«История русского народа — история крестьянства*, ибо на утренней заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском Царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванными от земли, в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к мате-

ри-сырой земле. (...) Грешно говорить о темноте и дикости и русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую и песенную культуру, далеко превосходящую крестьянские культуры европейских народов. (...) К сему типичный русский крестьянин, пусть батрак, но не кулак, в отличие от европейского крестьянина, в отличие и от доморощенной *образованщины*, траченной чужебесием, жил с жадной святости, а избранные Богом восходили и к юродству Христа ради. Свою душу крестьянин оберегал верою, молитвою и постом; оберегал традиционным домостроем, жизнью среди природной красоты и чистоты; оберегал каждодневным, натуральным, созидательным трудом — вольный, азартный, вдохновенный труд укрощал плоть, отвращал от грехов и пороков, в праздности затыгивающих душу зеленой болотной ряской. Русский крестьянин с древнейших лет обладал вселенским знанием: ведал природу земную от матери — сырой земли и до божьей коровки, ползущей по стеблю осоки; чуял предвестия летних гроз и зимних метелей; по небесному лику с рассветами и закатами, по солнцу, луне и звездам провидел погоду и грядущий урожай и приплод. Из сего благоговейного вселенского знания русский крестьянин породил столь календарных примет, пословиц, поговорок, сколь звезд на Млечном Пути, придав речениям глубинный иносказательный смысл и словесно столь благолепно облачив речения, что взривовали даже Богом одаренные книжные поэты...»

Деревенское детство Ивана Романова, коего веселья ради смалу величали Иван Иванычем, было и скорбным, и отрадным. Скорбь крылась в том, что отец его, фронтовик, рано предал Богу душу, а мать тяжело болела, и пришлось подростку, напялив хомут, волочить тяжкий крестьянский воз, о чем подробно в его очерке... Отрада же была в том, что детство прошло среди дивной среднерусской, равнинной природы, среди сельской вольницы. В братчинном застолье Иван Иванович мог часами, азартно и вдохновенно ведать о деревенском житье-бытье; мог до мельчайших подробностей, словно знатный, пожизненный каталь, описать, как на Руси катали катанки, валяли валенки; мог поведать о жатве и сенокосе, о надоях молока и о том, как объездить дикую лошадь и запрячь в сани либо в телегу. И среди усердных слушателей Ивана Романова были и друзья-сослуживцы, и я грешный, и наши товарищи — протоиерей Евгений Старцев, талантливый русский живописец Александр Москвитин — с коими мы не единожды путешествовали по Прибайкалью и Забайкалью.

Кроме крестьянских корней, роднила нас... любовь к литературе; моя любовь — по долгу службы, у Ивана Ивановича — от пристрастия к истории Государства Российского, что прирастало Сибирью.

Друг мой, нрава по-деревенски смиренного, не отчаянный, не дерзкий, в младые лета однажды проснулся участковым милиционером в поселке Эдучанка, где размещалась колония-поселение, где каждый второй был вчерашний преступник, готовый в любое время совершить некое жуткое преступление. И служба сия, что опасна, трудна и ясно видна, не сломила юношу, но закалила. А потом был Усть-Илимск, Иркутск в разбойные девяностые и нулевые, потом были расследования сложнейших экономических преступлений, столь изощренно запутанных, что сыщика спасали лишь глубинные знания экономических связей и мышление.

В характере Ивана Ивановича, матерого сыщика, меня дивило, и даже восхищало то, что душа его не ожесточилась после того, как через душу и разум прошли сотни преступников, часто отпетых негодяев, продавших душу дьяволу, для коих чужая жизнь — копейка. Иван Иванович явился на Божий свет незлопа-

мятным, добродушным, радушным, хлебосольным, братолюбивым, таким и живет поныне, чуя, что любовь к ближнему Христа ради есть земное воплощение любви ко Всевышнему.

Любезный читатель, сей очерк — не художественная беллетристика, не развлекательное чтиво; сие сочинение сугубо документальное, познавательное, воспитательное, подобное мемуарам советских деятелей, чьи документальные повествования имели изрядный читательский спрос. А начинались повествования с детства; в детстве созидались духовные основы души, либо покаянно, восхитительно и сострадательно любящей ближних, либо каменеющей в нелюби. К сему повествование — судьба русского крестьянства, картина народной жизни в войну и после войны. Автор живописует быт, нравы, ремесла тверской деревни, где сохранилось даже древнерусское ремесло каталя, катающего катанки из романовской шерсти.

Русские крестьяне до войны, а особо во второй половине прошлого века, породили сонм могучих руководителей мирного и ратного труда, выдающихся, всесветно прославленных деятелей науки, искусства. Василий Шукшин, крестьянский сын, что обрел великую мировую славу, воспев и оплакав крестьянский мир, однажды устами героя воскликнул: «Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так смотришь — выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так выходец, рано пошел работать». Шукшинские слова речены и про Романова Ивана Ивановича, подполковника милиции, талантливого следователя, который подростком, оставшись без отца, с хворой матерью на руках, взвалил на отроческие плечи хозяйские

заботы-хлопоты, а в четырнадцать лет уже трудился годами в колхозе; а все же выучился и верно отслужил службу, что сродни службе ратной во славу России.

Нынешним летом мой друг Иван Иванович Романов во славу Божию сотворил Поклонный крест в Разводной ... окраина Иркутска... где ранее выстроил дом, и слава Богу, увенчались Крестом долгие заботы, хлопоты и попечение.

Многая лета, многая здравия рабу Божию Ивану! Аминь.

*Анатолий Байборodin
2020 год*

Деревенское детство

Я родился и вырос в селе Рождествено, Тверской губернии. Мать мою звали Надежда Арсеньевна, отца — Иван Дмитриевич. Самое печальное, что о моем родном селе нет преданий — не сложилась устная история села, не запечатлелись в поколениях народные обычаи, обряды, поверия, приметы. Не принято было у односельчан рассказывать об истории села, о его традициях. Когда я приехал в Сибирь, и увидел, как ходят в поминальные субботы люди на кладбище, поминают своих усопших родичей, близких, и вспомнил, что в родном селе такой традиции не было. Вот разве что в соседнем селе Васильково, где был большой погост, церковь, и возле церкви кипела сельская жизнь.

Односельчан я часто спрашивал: откуда произошло название села, как оно возникло?.. но никто мне толком не ответил... А село, в котором я вырос, старинное: избы — красивые, с резными наличниками и карнизами — построены были лет эдак более ста назад.

Помню, доживали век и помещичьи угодья. В соседней деревне, в двух километрах от моего села было барское имение — дом, искусственно возведенные пруд и холм, который назывался «курган». Мальчишками мы часто бегали там, играли. Помню кленовые, рябиновые аллеи, остатки яблоневого сада, фундаменты барских домов. Однажды бежим в школу, смотрим: мужик ломиком камни добывает, грузит на телегу, видимо, строил дом и понадобился камень.

Думаю, то была помещичья деревня. Я рос любознательным мальчишкой, и у взрослых спрашивал:

— Чье поместье? Кто был хозяином?..

Но никто не знал, никаких историй, легенд об истории той деревни я не слышал. В нашем селе была начальная школа, а до восьмого класса я учился в селе Карабзино, что в семи километрах от моего родного дома, и наш интернат размещался в бывшей усадьбе помещика. А это была добротная помещичья усадьба, окруженная дубовыми аллеями. Какая там была листва! Идешь осенью по колону в золоте... Листья шуршат, огненные, разноцветные, красота!

Помню, в интернате работала повар из Карабзино, мы, ребятишки, спрашивали ее:

— Чья это усадьба?

Она отмахнулась:

— А шут ее знает...

А вот бабушка местная, которая к нам приходила, рассказала, что это дом помещика Михаила Степановича, и, видимо, она знала историю помещичьей усадьбы, но мы были маленькие, не додумались подробно ее порасспрашивать, поговорить с ней, а больше бегали, играли, другие у нас были интересы. Я вырос в красивом селе, в окружении лесов и полей. Моя тетушка жила в селе Красное

Данильцево, где текла речка Кашинка — чистая, песчаная, а в моей деревне речка была узенькая, илистая, и росли цветы-кувшинки, лопушки. Мать натаскает воды с проруби, а вода илистая, с водорослями, с улитками... Но, хоть и мала была наша речка, благодаря ей жила деревня. Мужики добывали рыбу — ловили летом и зимой карасей, на речку пригоняли скот на водопой — коров, лошадей.

Мальчишкой я часто видел такую картину зимой: открывают ворота конного двора, и оттуда бегут лошади к реке, красивые, гривы развеваются на ветру.

А за селом — леса бескрайние; деревья в низине, и кое-где на болотистых землях. Леса тверские — не тайга, как в Сибири, без буреломов. Но лес был богатый — березовые, осиновые, еловые, ольховые урочища, где росло вдосталь грибов и ягод, водилось и дикое зверье.

Это было село отца, где и прошло мое детство, а мама — родом из села Красное Данильцево, что в 12 верстах от отцовского села, где жила моя тетя. Дом, в котором я вырос, строил отец. Он ездил в лес на лошади, рубил стволы елей, сосен, обрубал ветки, затем огромные лесины цеплял за сани и привозил домой. Ошкуривал бревна и строил не спеша. Изба вышла просторной, добротной — кухня, зал, спальня, русская печь. Отец, когда строил, думал, что старший сын Борис придет с армии и будет в нем жить, а тот махнул в Санкт-Петербург. Лишь я в родном доме прожил до 18 лет, но потом тоже уехал. Так что дом опустел. Я вынужден был его продать бригадиру.

Сейчас родной дом стоит пустой, там никто не живет. Хорошо сохранился, хотя прошла уйма лет. Однажды мы приехали в мою деревню, и друг моего сына Павла зашел в дом и говорит:

— Дядя Ваня, дом-то хороший! Окна помыть, печку затопить и жить можно!

Сердце, конечно у меня болит, когда я смотрю на опустевший родной дом. Я бы его отдал людям, которые стали бы там жить, но нет желающих. В деревне местных почти не осталось, в основном дачники из Москвы выкупают дома и живут летом, поскольку живописные края, средняя полоса России. Сын Павел, ныне живущий в Москве, купил дом в соседнем селе — добротный, благоустроенный, куда и наезжаем от случая к случаю. Словом, о малой родине мы помним, не забываем.

* * *

...Мою бабу по отцу в деревне прозвали Картошина, нос у нее был картошкой. У моей матери были сложные отношения со свекровью. Бабка обижала маму... Отец был вдовцом, когда женился на ней. Первая жена у него умерла, он был бобылем, до встречи с моей матерью. У него уже был сын Виктор от первого брака. Он взял мою мать в жены из другой деревни. Сводный брат Виктор был подростком, когда отец с матерью сошлись.

Отец ушел на фронт в 1941 году и всё!.. Не слуху, ни духу, пропал без вести. Конечно, и бабушка и мама тосковали, ждали его. Помню, везде искали знаки, верили, что это от него весточка. Бывало ворона прилетит, закаркает, они говорят, что это весть от отца. Как в песне про «Черного ворона». Мать и бабушка ждали его, молились, и отец вернулся.

Оказалось, что был в плену, а освободили его американцы, поэтому ни весточки от него не было, ни письма. Пленным оказался в Западной Германии. Это конечно было чудо, что он вернулся. Ему помогла немка, врач. Интересная прои-

зошла история. А было это так: немцы решили поиздеваться над пленными — они выкатили вагон со спиртом, а в нем был растворен натуральный каучук. Наши солдаты напились, и у них отказали руки и ноги. Отец чудом избежал жутких последствий, хотя мог иногда хорошо погулять. Он ухаживал за своими товарищами вместе с врачами. А среди них была врач — немка российского происхождения. Она прониклась симпатией к отцу. Отец был ярким, видным парнем, к сему и веселым, общительным — на праздниках, помню, красиво плясал.

Попал в плен, но Бог миловал, не гнил заживо в концлагере, а работал у немецкого помещика батраком, поэтому не испытал тех ужасов, которые выпали на долю пленных в концлагерях. После войны работал в колхозе, выращивал зерновые, а на своем подворье скот держали — коров и овец.

Отец был пастухом, овчаром, а по вечерам мастерил валенки всей деревне. Он был искусным каталем, со всей округи приезжали за валенками. В Сибири овцы — длинношерстные, поэтому на заводах, где войлочное производство, использовали шерсть не тонкорунную, а груборунную. Она была толстая, из нее производили технический войлок. В тверских же землях водились овцы романовской, тонкорунной породы. Ворс был короткий, не превышал десяти сантиметров. Овец обычно женщины стригли вручную по осени, а мужики помогали — выгоняли овец из стойла, завязывали им ноги, клали их на высокий стол. Женщины брали специальные бараньи ножницы и стригли овец.

Всю шерсть, что состригли, нужно было разбить, чтобы легче прясть. У добротных хозяев имелись специальные шерстобитные станки. Деревянный станок состоял из густо смазанных валиков, а сверху каждого валика крепилась металлическая щетка — разная: и с густой щетиной, и с редкой, то есть одна щетка грубоватая, а другая понежнее. Помню, на брезентовом полотне раскладывали шерсть лентой и пропускали ее через этот валик со щетками. Затем хозяйка дома приносила влажную мешковину — грубая ткань, из которой мешки для картошки шьют. На мешковину хозяйка клала ровным слоем шерсть, уже пропущенную через станок, сверху накрывала другой мешковиной, тоже влажной. Затем брала длинную палку, клала ее сверху и начинала накручивать на эту палку шерсть с мешковинами, и раскатывать свиток. Шерсть начинала скручиваться, сплетаться и превращалась в единое полотно. Для сего требовалось большое искусство!..

С помощью этих холстин — кусков мешковины — шерсть скатывалась в заготовку валенка, который звался колпак и был похож на огромный валенок. Когда я был мальчишкой, помню, подбегу к столу, схвачу этот валенок, надену на ноги, а он мне до пояса, а если надеть второй валенок — то выйдут ползунки, мягкие, шерстяные. А потом отец после работы берет эти два колпака, идет в баню, где и катал, валял валенки. Бывало придет с работы, накормит, напоит овец, поужинает и уходит на несколько часов катать и валять валенки. Я хоть и маленький был тогда, но хорошо запомнил, как отец катал валенки.

Валенки отец валял обычно зимой. Вначале ему нужно было протопить баню, чтобы в чугунном котле вода закипела. Обычно к нему приходили двое-трое друзей из деревни, и они вместе мастерили валенки. На банном полке, которые длиной метра по четыре, клали деревянные валики, металлические шестигранники и четырехгранники, а из чурки изготавливалась гребенка, на которой взбивали шерсть. В бане кипит котел, в горячую воду отец кидает колпаки — заготовки для валенок, а когда прокипят, вытаскивает колпаки и скручивает, взбивает с помощью валиков и деревянной скалки.

Затем отец берет эти заготовки и натягивает их на колодки разных размеров — детские, взрослые. Натягивает их так, чтобы там даже морщинки ни одной не осталось. Если будет складка, то в этом месте валенок может переломиться, или появится дырка, а это уже брак каталья. Руки у всех распаренные, красные.

Затем колодку вставляет в валенок и наотмашь начинает хлестать валенки об банный полок, чтобы они хорошо натянулись на колодку, без единой морщинки, чтобы голенище было тонкое, а ступня толстая...

Валенки катались так, чтобы можно было в них ходить долго, не год-два. Делали теплыми — наденешь, и никакой мороз не страшен! Помню, отец сделает вечером пару почти готовых валенок, принесет их с колодками внутри домой, переночует, а утром, когда мама протопит русскую печь, ставит валенки сушиться на весь день в печь. А приходил вечером с работы, освобождал валенки от колодок, брал пемзу, счищал лишний ворс и делал валенки гладкими. Садился на табуретку, брал валенки, и начинался самый важный завершающий момент — острым ножом выравнивал голенища. Валенки у отца получались отличные! И в тверских землях, и в Сибири, где их называли катанками, без них зимой не проживешь.

Помню историю из своего деревенского детства. Рядом с селом была горка, с которой мы ребятейней катались. Горка была крутой, а перед ней текла маленькая речушка. Если катиться с горы, то скатываешься прямо на лед этой речушки. Глубина там была метров десять. Помню мы так накатаемся, аж все до дыр себе сотрем! Вечер поздний, уже хочется есть, луна взошла, а мы все катаемся, визжим, играем! Так весело, так накатаемся, что все штаны, куртки мокрые! На дворе — зима, вся одежда заледенела, идешь домой, как в железных доспехах! Ноги так замерзли, что уже не чувствуешь ступней. Валенки прохудились, пятки износились, подошвы тонкие. Мать мне толкала в валенки сбитую овечью шерсть, чтобы ноги не мерзли. А когда я бегал, шерсть начинала из дырки на пятке вылазить.

И помню, несешься с санками по селу, прибегаешь домой, валенки скинул и бегом на печку. Там фуфайки, телогрейки лежат, тепло, согрешься, но когда ноги и руки начинают отогреваться, так больно! Я начинал плакать, мальчишка еще был. Около входа в доме стояло корыто, воду носили в него, чтобы поить скотину. Когда черпали воду, там льдинки плавали. Мать причитает:

— Какая нечистая сила заставила тебя бегать до ночи по морозу?!

Я сижу на печи, плачу. Мать мне:

— Ну-ка, слазь с печи!

Я слезу, она подводит к тому корыту с ледяной водой, хватает мои ноги и ставит в корыто, а потом — руки туда же толкает. Больно! Я кричу! Но тут же боль стихает. Я забираюсь на печку, и начинается блаженство! Там тепло, хорошо, ноги уже не болят.

В это время отец приходит с овчарни, он ухаживал за овцами. Мать упрекает его, говорит, что у сына валенки дырявые, ноги мерзнут, постоянно простывает, насморк, ночами кашляет.

— Ты каталь! На всю округу катаешь валенки, а сыну не можешь скатать!

После того, как поругает, говорит отцу:

— Старые валенки нужно подшить для улицы, для горки, а свалить новые — для школы.

Отец обещает, просит, чтобы мы шерсть скатывали для валенок. Я помню, так обрадовался! Весь в ожидании! Валенки будут новые! Мать овчинную шерсть собирает в узел, и посылает меня к соседям, чтобы я у них шерсть сбивал. У них

легкий привод у шерстобитной машины, на ней работать может и подросток. Если станок хорошо смазан, то ручку станка крутить легко.

Помню, в детстве я помогал матери, вместе стояли за станком — я крутил ручку, валики вращались, а мама подкладывала в валики ленты шерсть. Несешь бывало шерсть в узелке к станку, небольшой комочек, а из станка выходит ее так много — целое покрывало! Меня всегда это в детстве удивляло! Разбитая шерсть обычно мягкая, пышная.

Валенки катал и отец, и сосед — дядя Саша. Когда отец скончался, а мне уже было четырнадцать лет, дядя Саша предложил:

— Ванька, давай я тебя научу валенки катать!

А как я мог учиться?! У меня ничего не было, ни колодок, ни колпаков, чтобы делать валенки. Отец уже ушел из жизни, а был бы жив, конечно, всему бы научил.

Но то было потом, а пока я жду новые валенки... Отец послушал мать и свалил мне валенки, а было мне тогда годков семь. Больше таких красивых и теплых валенок я в своей жизни не видел. Но вскоре случилась беда — отец умирает. Мои валенки были последними в его жизни. Ранений на войне у него не было, но век у отца был короткий. Насколько помню, ему на тот момент было всего 53 года.

Дальше я рос без отца, и когда стал постарше, валенки получал от государства, валенки мне бесплатно давали в связи с потерей кормильца.

* * *

Конечно, матери было тяжело воспитывать нас одной, без отца. Помню, как она горевала, причитала о своей вдовьей доле, и попутно вспоминала войну... Жизнь у нее вышла каторжной, трудилась на лесоповале, а труд этот был невыносимо тяжел для женщин. Мать рассказывала, что приходил приказ в сельсовет, о том, что у вас такая-то численность населения, поэтому от вашего сельсовета нужно отправить на лесозаготовки определенное число людей. А в деревне же в основном остались только женщины, поэтому в разрядке было написано, что те женщины с детьми, у которых есть матери, свекрови, с кем они могут детей оставить, должны работать в лесу. Мать попала в это число — у нее была свекровка, которая могла присматривать за детьми, и матери пришлось работать на лесоповале.

Начиналось все с того, что колхозницам выдавали справки о том, что они будут работать на своей деляне, а находилась деляна не рядом с домом, а далеко-далеко в тайге, за десятки километров от деревни. Лесозаготовками обычно занимались тогда, когда снег становился сухим. Шли пешком, лошадей обычно не давали в колхозе. Колхозницы приходили в деревни, что возле делян, и расселялись по частным домам. Бригадир оглашал план, сколько кубов древесины нужно заготовить и отчитаться за работу.

Труд был тяжелым — лес валили ручной пилой... Помню, у меня была отцовская пила, где белели два пятна — следы от работы на лесозаготовках. Видимо, пилу зажал в стволе толстого дерева, и от сильной нагрузки на металл пила покрывалась белыми пятнами. Мать рассказывала:

— Свалишь огромную елку, и сразу небо открывается синим куполом. Затем у сваленной елки подрубают ветви, которые складывают в вороха. Зимой тяжело было работать, весь день на морозе, многие жили бедно и теплой одежды не имели. — Мать рассказывала про девушку, которая работала на лесоповале; та прихо-

дила домой с деляны, раздевалась догола, надевала на себя мешковину, залезала на русскую печь и долго-долго там лежала и грелась. Девушку звали ужинать, помогать по хозяйству в доме, но та часами лежала на печи. Вот как люди замерзали, работая в лесу!.. Там же не только работа на морозе, еще нужно было добраться до деляны, а потом обратно домой, а путь долгий — десятки километров. Мать рассказывала, что по дороге была небольшая речка с ледяной водой, и бывало, что ее приходилось переходить вброд.

Работу у женщин принимал местный мужичок, нарядчик, и мать жаловалась, что приставал, издевался над женщинами, обижал их, особенно доставалось одиноким девушкам. С замужними, правда, вел себя спокойнее, боялся их мужей, которые могут прийти с фронта. В деревне же все на виду, все всё знают.

Начальнику на лесоповале женщины отчитывались о работе, иначе не будет справки, что отработали на лесоповале, а это была обязательная государственная разрядка. Однажды, ранней весной, опоздали, поздно принял нарядчик работу, и вода поднялась, и женщинам пришлось переходить вброд по ледяной лыве. А морозы стояли вроде зимних! Как они, бедные, после такого испытания еще детей рожали, как оставались женщинами, ума не приложу.

Вспоминаю, когда мы жили в Едучанке, и когда были морозы под 50 градусов, Ольга, моя жена, прежде чем выйти на улицу, пойти на работу, совершала причудливый ритуал — надевала изрядно одежды, чтобы и тепло, и эстетично. А в войну бабы одевались скудно, жили-то бедно. Ходили в штанах, суконных юбках, валенках, да и штаны были не у всех. Так вот, вода в речке поднялась и залила дороги, низины, не пройдешь. Да еще и снег талый, идти тяжело, проваливаешься. Вот и приходилось бабам, подняв подолы юбок, идти по ледяной воде, друг друга поддерживать, а когда проходили затопленные места, сразу начинали бежать, чтобы кровь разогналась в теле и хоть немного согреться.

* * *

В моей деревне Рождествено была только начальная школа — четырехлетка. Когда я пошел в школу, отца уже не было, он умер, когда мне было семь лет. Помню, он заболел, нужно было ехать в больницу, и он перед дорогой решил в печи помыться. А у нас в русской печке можно было, как в бане, попариться, помыться. Заходишь в печь, садишься на табуретку, ставишь таз, попарился немного, а потом моешься. Такие водились на Руси печи, что взрослый мужик мог свободно сидеть внутри печи, не доставая головой свода. Ставил мужик шайку между ног и парился, веником брызгая на горячий свод. В русской печи еще и лечились, прогревались во время простуды, лечили спину, суставы.

Мать сильно болела, и в сорок девять лет уже была инвалидом. Получала пособие по инвалидности, занималась домашним хозяйством, нас растила. Председатель колхоза предложил ей сторожить мешки с зерном, платили гроши, и здоровый мужик или баба не согласились бы на такую работу. А в нашей семье без мужа-кормильца каждая копейка была на счету.

Помню вечером мать собирается на работу, одевает нас — меня и сестру, и мы идем в шоху. Так звали сарай из грубо сколоченных досок, куда свозили с полей собранное зерно. Помню мы в пальтишках идем за мамой, придем в шоху, ляжем на зерно и спим. Сторожили вместе с мамой. А еще бригадир привозил ей крапивные мешки, и она ставила заплатки на рваных мешках с зерном. Нитки нужны

были толстые, грубые, поэтому бригадир приносил ей старые пожарные шланги-рукава, которые мама распускала на нитки. Так зарабатывала нам на пропитание, на жизнь. Еще получала пенсию за потерю кормильца — двенадцать рублей, по шесть рублей на каждого ребенка. Питались скудно, перебивались с хлеба на квас, вернее, с хлеба на молоко. В хозяйстве жила корова, и когда я был подростком, косил сено для коровы. После смерти отца я, подросток, остался единственным работником в семье.

Справа И.И. Романов

А осенью заготавливал дрова в лесу. Как говорил, хоть и подросток, в школу бегал, а всё хозяйство на моих плечах... Находил сухие нетолстые лесины — березу, осину, ольху, спиливал одноручной пилой, топором обрубал сучья, кряжевал — распиливал на бревна. Пила не ножовка, а половина обычной двуручной пилы. На другой или на третий день приезжал на лошади, грузил кряжи на дровни и возил домой. Кряжи сырые, тяжелые — намаялся... Нагрузу бывало бревна, повезу воз, а у самого такой страх, как доведу?! Боялся, что лошадь распряжется по дороге — супонь на хомуте развяжется, а я супонь не стяну. Супонь — кожаный шнур... Ни росту, ни сил не хватало тот же хомут супонью стянуть — я же был еще мальчишка.

Ездил по дрова за пять верст от деревни, где росли низкорослые, суковатые, извилистые березы, осины, ольха. Начинаешь их пилить, рубить, тяжело, руки болят!..

В пятом классе пожил у тетки в селе Данильцево, а мама осталась с моей сестрой Таней. И у тетки пас телят колхозных, зарабатывал на жизнь. Однажды, помню, произошел случай — телок съел много клевера, и у него раздулся живот; телка, долго не думая, пустили на мясо, а меня лишили зарплаты. Месяц я работал бесплатно.

В колхоз я пришел школьником и пахал наравне: молоко во флягах возил на лошади на молокозавод, и навоз, и сено возил, а после восьмилетки работал трактористом. Помню, рассказывал бабе Нелле, тетке моей жены, как мальчишкой таскал мешки на мельницу, — баба Нелля была поражена — какое у меня было тяжелое детство... Бывало утром затоплю печь, беру готовую гречневую кашу —

Помню, летом встаешь рано утром, пока на траве роса, и косишь на приусадебном покосе. В деревне говаривали: коси, коса, пока роса, спадёт роса и долой коса. Потом граблями разбиваю валки скошенной травы и бегу пасти телят — я в то время уже работал пастухом в колхозе. В обед прихожу, валки нужно поворошить, чтобы не сопрели, чтобы просохли, а вечером сухую траву собираю в копну. Утром опять копну раскидать, чтобы просохла после росы, и уж когда полностью просохнет, обратится в сено, вилами таскаю на сеновал. На одну корову нужно заготовить примерно двадцать пять пудов травы, полный сеновал нужно набить сеном. А покос приусадебный, покос большой, и я один его выкашивал. Сестру пытался привлечь, да что толку, мала, какая из нее помощница.

раньше в брикетах продавались, кидаю гречку в железную миску, заливаю горячей водой, и бегу к бригадиру за нарядом. Наряд — задание мне, колхознику. Прибегаю домой, а в чашке гречневая каша уже напарилась; добавляю в кашу молока, потом кладу каши в мамину чашку, которую ставлю перед ее кроватью. Мама уже тяжело болела, не вставала...

Бывало спрашивает:

— Ну что, Ваня, где сегодня будешь работать?

Я говорю:

— Фуражирить!

Мать сразу в слезы и начинает причитать:

— Как мог бригадир отправить на такую тяжелую работу мальчишку?!

Работа состояла в том, что нужно было зимой ездить в поле, где стояли стога сена, и завозить клеверное сено на ферму. Едем мы — три-четыре подводы, грузим на подводы клевер вилами, а он скрученный, замерзший, посильный лишь мужикам.

Другая работа — ездил на мельницу, возил мешки с мукой грубого помола, которую скотники и доярки добавляли в корм коровам. Приезжаю в амбар, загружаю ковшом зерно в мешки, взвешиваю их на весах, а потом с весов таскаю на сани. Кладу на подводы и везу к мельнице, и там начинается самое интересное... Я, подросток, на весы мешок зерна еще могу положить и потом на сани кинуть, а на мельницу поднять мешок уже намного сложнее. Если сумел поднять мешок с зерном, значит ты мужик!.. Для парнишки в четырнадцать лет мешок с зерном — тяжелейшая ноша. Бывало, заволочешь на плечи, а спина прогибается под тяжестью. А мешок надо еще и нести по лестнице в бункер. Помню, вздымался я по лестнице чуть не на карачках, почти носом по ступенькам шоркал... Скинул мешок с плеч, а перед глазами — розовые круги. А таких мешков, бывало, пятнадцать-двадцать нужно перетаскать!.. Даже мужикам было тяжело таскать, а каково мне, мальчишке?! Вот мать и плакала, причитала, когда узнавала, что меня на мельницу послали работать. В других семьях родители сыновей берегли, не пускали работать на мельницу, а у меня отец рано помер, поэтому я с детства работал, как взрослый мужик.

Поминал уже, что в школу ходил за восемь верст, а однажды парнишкой тридцать верст отмахал... Помню, о ту пору держали мы на подворье корову и тёлку, которую и решили с матерью продать. Обежал я деревню, никому тёлка не нужна, вот и пришлось отправить скотину в районное село на продажу. Вместе с другими бычками и телками погрузили в грузовик и нашу... В селе за тёлку предложили гроши, и я отказался продавать; накинул ей повод на шею и повел обратно в деревню. А топать тридцать верст, да еще и ночь настигла; темень сплошная, ни луны, ни звездочки, иду на ощупь по проселочной дороге. Тут бы и взрослый оробел, а я парнишка, и, конечно, страхов натерпелся...

* * *

Детство было тяжелое, трудовое, но старался учиться, и подростком уже освоил профессию тракториста. В колхозе открылись курсы трактористов от сельского профтехучилища (СПТУ), которое находилось в старинном городе Кашино, что был назван в честь святой Анны Кашинской. Помню, на курсе трактористов вместе со мной, шестнадцатилетним подростком, учились мужики сорокалетние. А я еще успевал совмещать курсы трактористов с учебой в школе.

Мои друзья, с которыми я рос, учились сельским ремеслам, глядя на отцов; а я, безотцовщина, ухаживал за матерью-инвалидом, поэтому не у кого было учиться, перенимать опыт. Вот у меня и вызрело страстное желание выучиться, выбиться в люди, стать кем-то значимым. И я вцепился в учебу, учился азартно, увлеченно, а потом также работал на тракторе.

Выучился, получил права тракториста, и мой самый первый трактор был К-20 — маленький, без кабины, одноцилиндровый. Косил клевер на эдаком тракторишке, на котором была косилка с гидравликой. И так, помню, впрягался в работу, что невозможно было остановить... Бригадир приходил вечером и удивлялся, как много я успевал накосить. А я с утра пораньше выеду в поле и без перерыва кошу и кошу, и кошу... Позже работал и на тракторе Т-40... Начал зарабатывать, как взрослые мужики. Помню, на одну из первых зарплат купил себе мопед, маме — стиральную машину, сестренке — одежду. Короче, в доме я, пятнадцатилетний, шестнадцатилетний, уже был взаправдашний хозяин, глава семьи, работал как взрослый мужик, зарабатывал деньги, обеспечивал продуктами и всем необходимым мать и сестру.

Помню, приехала к нам старшая сестра из Питера, и говорит:

— Мама, там цыгане кофту красивую продают, можешь денег дать?

А мама говорит:

— У Ваньки займи...

Однажды я столько березовых дров заготовил, что, когда мы приехали на гусеничном тракторе, нагрузили сани и тронулись, трактор на дыбы встал!.. Вначале не мог сдвинуться с места, береза же тяжелая, а уж потом кое-как добрались до дома.

Это было перед моей службой в армии. Мать же оставалась одна с сестрой, потому я побольше дров и решил привезти, чтобы им надолго хватило зимой печку топить.

Окончил я школу-восьмилетку, проработал в колхозе четыре года, и восемнадцатилетним ушёл служить в армию. Армейскую службу проходил в Хабаровске — войска противовоздушной обороны.

Через месяц после того, как ушел в армию, умерла мать. Помню, на похоронах среди родственников приехала моя сестра из Питера, приехал Борис, старший брат, который в то время тоже жил в Питере и работал на Ижорском заводе. Там он смастерил кованые оградки на могилы отца и матери.

Позднее, когда женился, мы с женой Ольгой гостили у маминой сестры тети Тони в деревне Данильцево, я заказал местному кузнецу сделать кресты на могилы родителей, и с дядей Пашей — мужем моей тетки — установили кресты. Но могилы были безымянные, поэтому несколько лет назад я сделал именные таблички.

А кресты так и стоят, мы их от случая к случаю подкрашиваем. Я постоянно езжу в родное село, навещаю кладбище, где похоронены мать с отцом. Однажды приехал, мужик косит траву, я его попросил покосить там, где покоятся родители. Местные, из моей деревни удивляются, что я так часто бываю на родине и ухаживаю за могилами, хотя приезжаю с другого конца страны, а иные, что живут рядом, редко навещают усопших родичей, и многие могилы заросли, запустошились. Ну и поминаю покойных родичей в храме: упокой, Господи, души усопших рабов Божиих... прости им прегрешения вольные и невольные, и прими их во Царствие Твое.

Участковый в поселке Эдучанка

Когда мать умерла, написал письмо старшей сестре Нине, чтобы помогала Татьяне, младшей сестре. А про себя написал, что сам свою жизнь устрою, и с дембельским чемоданом рванул по комсомольской путевке в Усть-Илимск. Нина, когда узнала, плакала, отговаривала:

— Куда ты поехал?! Это же — край света!.. Глухомань!.. Одумайся...

Но я, коль решаю, решений своих не меняю, а посему и осел на севере сибирском. Поначалу трудился на стройке... Если из города ехать на Усть-Илимскую ГЭС, то можно увидеть опоры, где висят провода, которые выходят из подземных кабелей в энергораспределительные установки, которые я строил в бригаде. У меня же были права тракториста, поэтому я устроился работать на бульдозер. Дали мне комнату в общежитии, и, казалось, работа есть, жилье есть, что еще нужно?! Но мне хотелось заниматься чем-то более важным, более значимым. Так я оказался в милиции...

Помню, когда начал работать участковым, иные приятели упрекали: дескать, пришел в милицию из-за стремления к власти. А у меня не водились такие мысли... Конечно, милиция — орган власти, но я пришел в милицию не ради власти, у меня были иные мотивы. Какая власть?! Я даже стеснялся в милицейском мундире ходить, и долгое время надевал обычный костюм. Почему я выбрал именно милицию? Я понимал, что в институт не поступлю — за плечами лишь школа-восьмилетка. К тому же учился я на тройки, но, что интересно, много читал. Особо любил исторические книги. Читал с азартом, запойно и столь много, сколь деревенские сверстники сроду не читали... И вот я думал: куда пойти работать, чтобы послали учиться? Гадал, размышлял, куда поступить на работу, чтобы послали учиться. Заглянул в отделение милиции по поводу работы, и там мне сказали:

— Если поступишь к нам в милицию, тебя заставят учиться, если даже не захочешь.

Это был последний год, когда в высшую школу милиции поступали без полного среднего образования. Но вначале нужно окончить курсы первоначальной подготовки милиционеров. Руководил курсами Василий Иванович Столбов, фронтовик, во время войны служил разведчиком. Я поступил на курсы и одновременно пошел учиться в вечернюю школу, школьное образование у меня же было неоконченное. Закончил вечерку, получил аттестат, благодаря чему меня приняли на должность участкового милиционера в таежный поселок Эдучанка.

В поселке размещалась колония — вольное поселение для семи сотен вчерашних лагерных заключенных, отсидевших за убийства, насилия, грабежи по восемь-десять лет. Вот куда меня отправили работать участковым милиционером, — меня, двадцатитрехлетнего парня, который еще ни дня не проработал в милиции!.. К сему, Эдучанка — за сто верст от города Усть-Илимска, в глухой тайге, и на помощь я не рассчитывал.

Помню, работаю, читаю дело заключенного, и меня поражает то, что мне двадцать три года, а зэк тот уже двадцать пять лет отсидел в исправительно-трудовой колонии строгого режима — ИТК, сокращенно. Ситуация, конечно, невероятно сложная — нужно общаться, давать распоряжения людям, которые такие сроки отмотали в лагерях, большинство из которых вдвое старше меня. Думаю, мне помогал крестьянский склад ума и особый подход к поселенцам.

Колонией командовал полковник, бывший начальник Черемховской милиции Александр Иванович Соколовский, в подчинении которого было около сорока офицеров, которые занимались организацией работы осужденных на предприятии Эдучанки, в основном, в леспромхозе.

Эдучанский леспромхоз в тайге заготавливал лес, грузил в лесовозы и вывозил на Братский лесопромышленный комплекс, а также зимой вывозили лес на лед Усть-Илимского моря, где вязали плоты. По весне, когда открывалась вода, на буксирах таскали плоты в Усть-Илимский лесопромышленный комплекс.

Словом, Эдучанке нужно было изрядно рабочей силы, поскольку кроме леспромхоза в поселке имелось предприятие «Химлесхоз», рабочие которого в тайге добывали живицу — сосновую смолу. А живицу в бочках отправляли на химические заводы, где из этой сосновой смолы производили канифоль и много всего другого полезного.

Смолу добывали летом, и на сезонную страду набирали людей по оргнабору с разных краев России, Украины и Белоруссии. А зарплата была отменная: сборщики живицы могли заработать за лето пять-шесть тысяч рублей советскими деньгам. На эдакие деньги можно было машину купить. Ради длинного рубля, как раньше говорили, мужики и ехали на сезонные заработки.

Случалось, один мужик работал легально, а напарник — нелегально, поскольку таился от правосудия; и среди нелегалов, что круглый год обитали в тайге, встречались даже бывшие бандеровцы и полицаи. Приезжали работники из «Химлесхоза», привозили продукты, и даже дефицитные, вроде тушенки и сгущенки, выдавали робы, сапоги, валенки, а вывозили живицу бочками. Поэтому нелегалы, что прятались от тюрьмы, могли годами не выходить из тайги. Были нелегалы и попроще, которые скрывались в тайге от алиментов, и на злостных алиментщиков приходили в милицию розыскные бумаги. А были и, так называемые, таежные бичи, которые раз в год выбирались из тайги, получали уйму денег, покупали дорогие костюмы, рубашки, штиблеты, в общежитии спали на шёлковых простынях, а потом начинали гулять, и скоро пропивали все деньги, костюмы, рубашки, штиблеты, и когда оставались последние гроши, покупали бичпакеты — суповые наборы в бумажных пакетах, и опять на год уходили в тайгу добывать живицу.

Мне приходилось присматривать и за сезонниками, поскольку иные мало чем отличались от эзков, каждый второй судимый, и не единожды. Поселок нынешних и бывших сидельцев, если даже сам директор леспромхоза отбывал срок в сталинских лагерях, и его заместитель сидел.

Оперативник из отделения милиции говорил:

— В Эдучанке не судимые только участковый и председатель сельсовета.

Вот такой у меня был контингент, с которым приходилось работать. А я один — молодой парень, участковый милиционер, а дежурная часть и отдел милиции за сто верст. Но я всегда понимал: чтобы стать кем-то значимым и добиться в жизни успеха, нужно показать, как ты можешь работать.

Работал я от темна до темна, и ночи прихватывал. Я все знал, что происходит в поселке. В сельсовете — комната милиции, позднее я создал опорный пункт, где ввел должность секретаря — пригласил коренного эдучанского жителя, фронтовика, который принимал обращения граждан. Создал и милицейскую дружину; сильные, крепкие ребята вместе со мной вечерами по выходным дням обходили поселок, укрощали буйотёров.

Но дружина помогала лишь субботними, воскресными вечерами, а в прочие дни приходилось одному наводить порядок. Помню, зайдешь в дом, сидят пьяные мужики и нахально так разговаривают со мной, вроде бы и предъявить им нечего, а ведут себя грубо. Что делать?.. Приезжал на следующий день в леспромхоз, где работают эти мужики, вызывал одного, привозил в милицию, заводил в свой кабинет, и после жёсткого разговора мужики относились ко мне с почтением, пьяными не шарахались по улицам.

Вспоминаю одно из первых уголовных дел, которое мне пришлось расследовать. Дело было так: пришел, условно скажем, Василий в гости к своему приятелю Петру, выпили, посидели, побеседовали, и гость ушел, а потом Петр видит в окошко, что гость снова идет к нему через поляну. Выходит Петр из дома, выдергивает топор из чурки, и, поравнявшись с Василием, бьет его обухом по голове. Уходит к себе в дом, а раненый попадает в больницу с тяжелой травмой...

Я прихожу к Петру, который напал с топором на своего приятеля Василия, вижу, здоровый мужик, выше и сильнее меня. Надо арестовать, а как справиться, если забудит?.. Но всё обошлось: мужик увидел меня и говорит со слезами на глазах:

— Я из-за этого гада тянуть срок не хочу!

Отвечаю:

— Делать нечего, придется.

Тут и жена его в рев...

Мы собираемся, садимся в кабину грузовой машины, что перед тем остановил, и едем в Усть-Илимск, в милицию. Едем втроем: шофер — молоденький паренек, я и преступник... Я иногда искоса гляжу на эдакого громилу и думаю: «Впереди сто верст, возьмет он меня сейчас как котенка за шею, удавит и выкинет из машины...»

У меня, конечно, был пистолет, но с таким громилой вряд ли смог бы я воспользоваться оружием. Но слава Богу, опять все обошлось... Мужика осудили и отправили на восемь лет в лагерь... Помню, что страх ко мне пришел потом,

когда мужика уже закрыли в камере. Почему тот ничего не предпринял, когда я вез его в милицию?.. Видимо, понимал: нападет на участкового, убежит, а его все равно найдут, и такой срок припают, что до гробовой доски будет нары протирать. И такие ему на зоне условия создадут, что смерть покажется в радость... Да и эски таких в лагере не жалуют... Короче, прикинул тот хвост к носу и не брыкался...

Меня в том поселении бывшие зэки уважали и боялись, — понимали, что я могу прийти к начальнику колонии и потребовать, чтобы любого из зэков снова отправили на зону. Всякое нарушение дисциплины было недопустимо. Но авторитет в Эдучанке я заработал тем, что «пахал» добросовестно и сутками. Помню, приходил в кабинет директора леспромхоза, который прошел сталинские лагеря, и директор радушно приветствовал меня. Благоволило мне, в ту пору уже старшине милиции, и мое начальство, и даже разрешило держать фронтовика в секретарях с зарплатой и кабинетом.

* * *

Помню случай: в Эдучанку приехал директор «Илимлеса», тоже фронтовик, да еще и без руки. Помнится, по фамилии Евтушок... «Илимлес», которым он руководил, был градообразующим предприятием города Усть-Илимска, и все леспромхозы подчинялись «Илимлесу». Приехал тот, чтобы ознакомиться с работой здешнего леспромхоза. Жил в гостинице... И вот проснулся однажды ночью, слышит, кто-то ходит в номере; соскочил с койки, включил свет, смотрит — мужик роется в его вещах.

— Ты чего творишь, подлец? — кричит директор.

А тот вместо ответа дал директору в лоб и ушел, забрав деньги.

Утром пострадавший приходит в администрацию леспромхоза и рассказывает, что его в первую же ночь ограбили. В леспромхозе оторопели: директор крупнейшего предприятия «Илимлес» приехал по работе в леспромхоз, который ему подчинялся, и его в первую же ночь ограбили!.. Обратились ко мне...

Я разработал целую комбинацию, как поймать вора. Точный портрет грабителя не удалось выяснить — лампочка была тусклая, свет сумеречный, поэтому директор «Илимлеса» не мог описать его достоверно. Я обратился в котельную, которая отапливала гостиницу и все бараки колонии.

Колония переехала в Братск, в Эдучанке оставался лишь завхоз, который сдавал помещения колонии леспромхозу. Спрашиваю кочегаров:

— К вам кто-нибудь заходил недавно?.

Кочегары отвечают:

— Приходил завхоз, отдал долг, десять рублей...

— Десятка купюрой?..

— Да, бумажная...

Потом я встретился с директором и спросил:

— У Вас какие были деньги в кошельке?.. Была десятка купюрой?..

Оказывается, была десятка — вот уже совпадение. К сему, как подтвердили другие люди, лишь завхоз ходил ночью в районе. Словом, вычислил я вора — завхоз, бывший заключенный, осужденный за разбойное нападение на офицера со смертельным исходом, приговоренный к пятнадцати годам лишения свободы.

Но как доказать, что ограбил директора именно завхоз?.. И хотя я был молодым парнем, но уже сумел разработать грамотную оперативную комбинацию — решил устроить провокацию. Я пригласил к себе в кабинет директора «Илимлеса», а подозреваемого по моей просьбе пригласил замдиректора леспромхоза — наши кабинеты были близко. И я устроил их будто случайную встречу... По моему условному знаку директор «Илимлеса» пошел по сумеречному коридору, где горела такая же тусклая лампочка, как в гостиничном номере, а в это время навстречу директору

идет подозреваемый. И вот идут они навстречу друг другу, равняются там, где горит лампочка, и директор узнает в завхозе человека, который его ограбил. Он же фронтовик, смотрит ему в глаза и говорит при свидетелях:

— И не стыдно тебе грабить безрукого?!

Завхоз, конечно, отпирается, не признает вину, а что толку?! Ограбление доказали и отправили мужика за решетку лет на двенадцать.

Конечно, все были ошарашены! Дело-то непростое — ограбили высокопоставленного человека, руководителя градообразующего предприятия, а я молодой парень, только пришел в милицию и сразу раскрыл его! А мне всего-то было 24 года, молодой еще совсем.

Директор «Илимлеса», помню, удивился, что я, впервые взявшись за расследование, так быстро и успешно его завершил. Помню, даже похвалил:

— Я не ожидал, что вы так быстро и грамотно раскроете это дело!

* * *

Проработал я больше двух лет, и пользовался уважением и авторитетом среди вольных и заключенных. Я не оставлял без внимания любое, даже самое мелкое обращение, любые конфликты, ссоры старался уладить, оказать помощь, если были возможности и полномочия. Придет, бывало, старуха и жалуется на соседей, плачет: дескать, обижают, сынок. Что делать?.. Стараюсь ее успокоить и помочь... Пришлось даже к заместителю прокурора обратиться, чтобы уладить отношение соседей к бабушке. И подобные нелады ежедневно возникали, и нужно было их улаживать.

Помню, председатель Эдучанского сельсовета говорила:

— Иван Иванович, ты же молодой парень совсем, и откуда у тебя такая житейская мудрость? Ты можешь женщине посоветовать — как с мужем себя вести, любую бытовую проблему знаешь, как решить...

Помню, сколько семейных ссор приходилось улаживать, а ведь иные ссоры венчались и убийствами — народ в поселке отчаянный, большинство вчерашние сидельцы. И если в поселке происходило убийство, то мне самому могли предъявить претензии вплоть до заведения уголовного дела за то, что не предотвратил убийство. Если совершалось преступление, и особо тяжкое, это означало, что виноват участковый — не углядел. Чтобы избежать подобных случаев, участковый должен был близко знать всех эдучанцев, проводить с беспокойными поучительные, воспитательные беседы,

Помню случай: заключенного, особо опасного рецидивиста, приговорили к вышке — к высшей мере наказания, которое заменили пятнадцатью годами лагерей; а потом душегубец оказался в эдучанском поселении. К нему приехала женщина, купила дом, и стали они вместе жить, но во время семейной ссоры бывший ээк убил ее, а потом сам повесился. И если бы не смерть этого рецидивиста, то, возможно, и меня бы привлекли к уголовной ответственности.

* * *

Скажу слово и о личной жизни в Эдучанке... С Ольгой, будущей супругой, познакомился в Усть-Илимске, когда она из Иркутска приехала в гости к своей тетке. А дело вышло по зиме, они встречали Новый год, и меня пригласили к застолью.

Мы познакомились, подружили, а 1 сентября 1977 года поженились, и я увез ее в Эдучанку. Помню, тетка ей говорила:

— Ольга — ты декабристка! Поехала в такую глухомань за мужем.

На что Ольга ответила:

— Я за мужем как за каменной стеной, потому и поехала...

Хотя отец у нее был человек строгий, тем не менее, родители отпустили ее со мной в Эдучанку. Дали мне от милиции двухкомнатную квартиру — уютный дом с двумя печками, с приусадебной землей под огородик, а из сарая я соорудил себе спортзал. Ольга оказалась доброй и домовитой хозяйкой, и жили мы душа в душу.

Жена работала в детском саду медсестрой, а я участковым, с головой ушел в работу, но по-другому нельзя — поселок гудел, как осиное гнездовище, и каких только преступлений не случалось — ни в каком учебнике по криминологии не вычитаешь подобного. Такие страсти бушевали, особо на любовной и семейной почве!..

Женатые заключенные жили вольготнее — имели право жить за территорией колонии, где больше житейских удовольствий, а посему зэки старались жениться. Скажем, заключенный на зоне пишет красивые романтические письма некой даме сердца, потом его отпускают на поселение, куда прилетает дама. В сельсовете пара регистрируется, и у вчерашнего зэка, нынешнего поселенца уже иной статус, иные возможности — он почти вольный. А женщины слетались со всей страны. Но жизнь их со вчерашними лагерными сидельцами редко выходила счастливой. На почве любви, ревности такие страсти кипели!.. Такие преступления свершались, что волосы дыбом вставали, особо у меня, о ту пору юнца.

Помню случай... Замужняя женщина жила в среднерусской области, служила начальником почты. Познакомилась заочно с заключенным из Эдучанки и после романтической переписки бросила мужа, работу и примчалась в Сибирь к возлюбленному. Письма же заключенные писали красивые, таких дифирамбов наговорают, таких комплиментов, которых женщины в жизни не слышали...

Если поселенец живет в семье, и жена на него пожаловалась участковому, за плохое поведение его могут обратно отправить в колонию. Он же свой срок не отбыл, просто часть времени в тюрьме ему заменили на поселение. А если серьезное нарушение, заключенного возвращали обратно на зону — было такое понятие «возврат». Обычно, когда зэка из колонии отправляли на поселение, то ему давали синюю карточку-справку, чтобы встать на учет в милиции. В справке — фотография и все «подвиги», которые тот совершил, за которые и осужден. Без синей карточки паспорт не выдадут.

Бывало, ко мне приходили вставать на учет заключенные, у которых тюремные сроки больше, чем мне о ту пору. Помню, сидит передо мной в кабинете мужик лет за сорок; пять судимостей, в лагерях провел двадцать шесть лет. Я должен записать его, душевно побеседовать, потом зорко следить, как он ведет себя на воле. А он такое может натворить, ужас...

Один раз, когда дома отдыхал, раздался телефонный звонок. Поднимаю трубку — местный врач говорит, что у них женщина с ножевым ранением, которую нужно отправить в Усть-Илимск. Прибегаю на фельдшерский пункт и вижу: лежит женщина с ножевыми ранениями в груди. Женщина-фельдшер обрабатывает раны, а у пострадавшей молоко из груди течет. Помню, меня это ужаснуло: «Ужас! И у какого изверга поднялась рука на кормящую мать?!»

Когда женщина пришла в себя, рассказала, что напал на нее сосед. Я сразу

вспомнил его — Романов, однофамилец, что приехал после освобождения из колонии и жил в Эдучанке с какой-то женщиной. Оказывается, этот Романов поругался со своей женой и приходил вечером, накануне преступления, с бутылкой вина к ее мужу. Посидели они, выпили, гость у них переночевал, а утром мужики ушли: муж пострадавшей женщины на работу, а гость вроде бы домой. Вроде бы, на деле вышло иначе... Романов купил вина, выпил, ему стало скучно, и он опять пошел в дом своего приятеля — может, чужая жена приглянулась... Хозяйка, уложив ребенка, встретила гостя у порога, сказала, что мужа нет, и попросила уйти. Но гость после короткой перебранки кинулся на нее с ножом... Когда женщина очнулась, окровавленная выползла на улицу, ее увидела соседка и вызвала скорую...

Я расследую это дело, прихожу в дом к нападавшему, где меня встречает жена и говорит, что его нет. Начал опрашивать местных, выяснил, что мужик работал раньше на пилораме, и может быть в балке, где рабочие переодеваются, отдыхают, хранят инструмент. Я — в балок, нету, пилорамщики говорят: пошел домой. Я — туда...

А жена его топила баню, стирала, потом он пошел в баню мыться. Я собрал соседних мужиков, которые уже знали, что натворил их сосед, и прошу:

— Мужики, помогите мне взять злодея...

Мужики с кольями окружили баню, чтобы не выскочил, не убежал. Смотрю — свет горит в бане, вижу металлическую печь, и он стоит в трусах, с ножом в руках. Кричу ему:

— Выходи!..

А он мне в ответ:

— Я живым не сдамся!..

Что делать?.. Выбил окно, попросил мужиков выбить дверь, а дверь прочная, из толстых лиственничных плах, не поддается, хотя вся баня от ударов трясется... Хорошо, я занимался спортом, поэтому влетаю кувырком в окно, смотрю, а он стоит с ножом у двери, которую мужики пытаются взломать. Увидел меня, хлесть ножом по своей голой груди, потом застонал и упал. Видимо, хотел покончить с собой, но духу не хватило... Я открыл дверь, и мы с мужиками втащили его в дом.

Вызвали машину-дежурку, чтобы везти его в Усть-Илимск, потом пригласили фельдшера; та посмотрела — рана у него легкая, больше притворялся, стонал. Я ему жёстко скомандовал одеваться и ехать со мной. Едем мы в дежурном милицейском автобусе, и я его спрашиваю:

— Зачем ты напал на женщину?

А он отвечает:

— Она мне плохое слово сказала...

Мне пришлось выступать на суде; срок приличный ему впаяли; а с раненой женщиной, слава Богу, все обошлось, хотя чуть не началось заражение крови.

Вспоминаю еще один случай... В магазине сторожем работал казах, высокий, здоровенный. Пришел сторож к своей сменнице, изнасиловал и убил... Мне, участковому, пришлось и раскрывать убийство, и задерживать преступника, и подробно описывать место про-

И.И. Романов (справа) со старшим следователем Ю.Р. Яковлевым.

исшествия, чем занимаются лишь следователи. Я так все описал, такую собрал доказательную базу, что у следователя не было ни одного вопроса, ни одного замечания, он просто всё записал с моих слов.

Также расследовал и описывал аварии... Помню, однажды ехал по дороге молодой парень на водовозке — развозил воду по домам — и, пьяный, сбил насмерть парня, да еще проехал по трупу. А был тот шофер сыном начальника ОРСа, только что пришел с армии, и помню, начальник — ответственный отец, чтобы спасти сына от

тюрьмы, и мне пытался взятку всучить, и следователю; ничего не вышло, и сыну его дали большой срок и отправили на зону.

Проработал я участковым милиционером три года, распутывал сложные дела, которые по силам лишь следователям, и спустя десятилетия думал-гадал, как я справлялся — безусый юнец, которому не с кем посоветоваться, не у кого учиться. С начальником колонии Сокольниковым, который окончил школу НКВД и раньше работал начальником Черемховской милиции, я, конечно, беседовал, но эти беседы напрямую не связывались с моей текущей милицейской работой.

Общение со вчерашними заключенными — это не для слабонервных, ибо наглядился я на такие людские пороки, что порой одолевала тоска, но, думаю, пристрастие к чтению серьезной русской литературы спасало меня, сохраняло в душе сострадательную любовь к ближним, даже падшим.

Глава III

Уголовный розыск в городе Усть-Илимске

После Эдучанки, где я отработал три года, в 1982 году перевели меня в город Усть-Илимск и назначили участковым инспектором. Дали общежитие, куда я перевез жену и Мишу, сына, что родился в Эдучанке.

Одно из громких дел, которое я расследовал в 1983 году, связано было с серией убийств женщин, которые были изнасилованы и задушены. Двух женщин нашли убитыми, третья, изнасилованная, осталась жива. Такой шум поднялся, такой ажиотаж во всем городе!.. Понаехало областное начальство, начали делать обходы, проверять колонии, и работали мы, уголовный розыск, сутками.

И.И. Романов

Однажды зимой в дежурной части раздастся звонок, звонит начальник ЖЭКа — женщина, которую я хорошо знал, и говорит, что видела парня — бил девушку и тащил ее в подъезд. Стремительно едем к тому дому, видим, стоит мужчина с женщиной, и не заходят в подъезд. Спрашиваю:

— Что случилось?

Мужчина испуганно говорит, что в подъезде лежит девушка... захожу в подъезд, гляжу, в тамбуре лежит голая девушка, вся в крови. Оказывается, преступник изнасиловал, хотел убить, но ему помешали люди, зашедшие в подъезд, и он сбежал. Произошло это несколько минут назад... Мужчина указал, куда побежал насильник, и я рванул в ту сторону; вижу, парень впереди бежит, кинулся за ним, и слава Богу, что оказался без пистолета — пристрелил бы и угодил за решетку. В те годы начальство не давало оружие подчиненным... Догнал я парня, скрутил ему руки и привел к мужчине, который стоял у подъезда. Спрашиваю:

— Это он?

Мужчина мотает головой: не он, тот выглядел иначе.

— А ты чего убежал? — спрашиваю парня.

— Вижу милиционер ко мне бежит, испугался, тоже побежал...

А в это время пострадавшая девушка очнулась, и я стал расспрашивать ее:

— Как выглядел этот... изверг?... кто он?..

Девушка лишь прошептала:

— Это Танькин...

И опять потеряла сознание, а вскоре ее увезли в больницу. Я уже собрался уходить, и вдруг из окна второго этажа выглянули девушки и спрашивают:

— Что случилось?..

Я коротко ответил, а девушки сказали:

— К нам в гости подруга шла и не дошла. Мы пошли ее встречать, и видим, в подъезде лежит шапка подруги...

Я поднялся к девушкам в квартиру, и выяснил, что у одной — подруга Таня, а у Тани муж — Александр. Спрашиваю его адрес, девушки точно не помнят, но я основательно знал свой участок и быстро выяснил, где он живет.

Выскочил я из подъезда, попросил участкового напарника, чтобы он поехал со мной, и мы направились к дому, где живет подозреваемый. Приходим, открывает дверь женщина, спрашиваю:

— Где Александр?

— Спит у себя, недавно с работы пришел...

Это была соседка по коммунальной квартире. Я зашел в комнату, где преступник в самом деле спал, осмотрел его одежду, и вижу: штаны в крови и на ботинках пятна крови. Скинул с мужика одеяло, смотрю: колени сбиты — последствия насилия... Разбудил, заставили одеться в ту же одежду, которая была во время преступления, и повез его в участок.

Арестовал я его, но без заявления не имел права задерживать. А девушка не хотела писать заявление, но я настоял, и она все-таки написала. Провели обследование погибших девушек и нашли и отпечатки его пальцев, и другие признаки, указывающие, что насильником был именно он.

В отделе милиции бурно обсуждали это дело — три убийства с изнасилованиями раскрыли. Я уехал в Братск на комсомольское совещание, и за это дело наградили дежурного милиционера, работавшего после меня, наградили и заместителя начальника милиции, который в глаза не видел насильника, а меня поощрили часами за двадцать семь рублей.

Убийцу же приговорили к высшей мере наказания. А был душегубец обычным рабочим; по вечерам любил выпить, и все свои убийства совершал пьяным. Перед судом со мной встретился судья и попросил меня рассказать, как я задержал преступника и что было самым главным в раскрытии убийства?.. Я ответил: скорость, поскольку быстро убийцу вычислил, пока тот не успел спрятаться или сбежать. Судья посмотрел на меня и говорит:

— Я рад, что в советской милиции есть сотрудники, которые так оперативно работают!..

Много было дел разных — и ограбления, и убийства. Помню еще случай... Ограбление, пострадавший азербайджанец попал в больницу с перебитым носом. А случилось так: он получил на почте деньги, отправленные с родины, а когда шел с почты, на него напал парень, ударил его по носу, ограбил и убежал. Помню, азербайджанец плакал, когда сидел у меня в кабинете. Грабителя я вычислил быстро — тот на добытые деньги гулял в ресторане.

И столь было случаев в оперативных расследованиях, когда у преступника, казалось, не было никаких причин для преступления!.. Помню, в Усть-Илимске обитало много ссыльных — заключенных на поселении, недавно вышедших с зоны, посему убийства и ограбления случались частенько.

Поработал я участковым в уголовном розыске, и захотелось мне послужить в ОБХСС — в отделе борьбы с хищениями социалистической собственности. Помню, когда написал рапорт о переводе, со мной встретился начальник ОБХСС, провел беседу о том, что в его отделе более интеллектуальная и сложная работа, нежели в уголовном розыске. Потом спросил прямо:

— Справишься, Иван Иванович?

Я ответил:

— Не боги горшки обжигают. Буду стараться...

Начальник с неохотой подписал, видимо не верил, что я справлюсь.

Поначалу боролся со спекулянтами... В восьмидесятых годах Правительство боролось с пьянством и алкоголизмом, и ввело талоны на винно-водочные изделия. Появились умельцы, которые делали поддельные талоны разными способами, в том числе при помощи шелкографии; случалось, даже от руки рисовали... Фальшивые талоны либо сбывали, либо покупали на них водку и перепродавали по завышенной цене, а выручку делили с продавцами. Талоны поддельные я изымал рулонами!.. Находил грубые подделки талонов, которые продавцы, тем не менее, спокойно принимали в магазинах.

Спекулянты, словно грибы-поганки гнилым летом, заполнили город в восьмидесятые-девяностые годы; потом спекулянты стали величаться коммерсантами. Оборотистые мужики и бабы на преступные доходы, бывало, через полгода машины покупали. Обычно и привычно спекулировали водкой, но, случалось, перепродавали разные дефицитные вещи. Однажды изъясил часы из Молдавии, целую сумку. Мужик из Молдавии выиграл в лотерею много денег, купил на них часы — полную сумку, приехал в Усть-Илимск и продал их по спекулятивной цене.

Публика, которую я преследовал, — не бандиты, как в Эдучанке, но преступления их тоже были гнусны. Порой симпатичные, красиво одетые женщины оказывались хуже отпетых уголовников. Вспоминаю торговый отдел горисполкома, когда в городе, как во всей стране, был острый дефицит на продукты и вещи, в магазинах всё по талонам. И, помню, в одной семье случился пожар — дети баловались спичками и подожгли квартиру; сгорели вещи, и особо ценные, дефи-

цитные — телевизор и холодильник. Погорелица пришла в исполком, чтобы дали талон на новый телевизор, ей дали талон. А в торговом отделе исполкома, как я потом выяснил, существовала мошенническая схема. Отдел распределял талоны населению, и в талоны нужно было вписывать, что на них можно купить, дефицитные продукты либо вещи. Талон обычно давался на что-то одно — либо на холодильник, либо на телевизор, либо на что-то иное. Человек получал талон на телевизор, расписывался в журнале, а сотрудница отдела дописывала ему, скажем, холодильник, стиральную машину либо другой дефицитный товар, словно он его получил. Эти дополнительные талоны сотрудница передавала однокласснику, водителю, который продавал талоны среди знакомых и сослуживцев. Конечно, всегда были желающие приобрести дополнительные талоны на дефицитные товары.

Я на мошенническую схему вышел случайно — знакомые похвастались, что купили талон и приобрели новый холодильник, — но я понял, что доказать вину сотрудницы трудно, а посему решил вначале допросить ее одноклассника. Помню, задержал его, привез в милицию. Одноклассник, помню, красивый, высокий парень, конечно, всё отрицал, но я его допросом доконал, и концу дня парень покался. После чего приехал я в торговый отдел, изъясил журнал, где записывалась выдача талонов, нашел тех, кто должен был получить эти талоны, но им талоны не выдали, что они письменно и подтвердили. Я арестовал сотрудницу горисполкома, что породило уйму толков в Усть-Илимске.

Помню еще случай... На Усть-Илимском лесопромышленном комплексе была профсоюзная организация, что распределяла среди работников квартиры, машины, путевки. И, помню, знакомый паренек похвалился: купил дефицитные кроссовки по сорок рублей... Я спрашиваю:

— И где ты их приобрел, дружище? Дефицит же...

Отвечает:

— В буфете, в общежитии...

Я подумал: «Странно — в буфете же продается еда, а не обувь...»

Узнал, где это кафе, приехал, зашел за прилавок, отодвинул шторку, вижу, в коробках лежат кроссовки — полсотни пар. Изымаю обувь, привожу буфетчицу в отдел и допрашиваю... Кроссовки в магазинах стоили рублей семнадцать, а спекулянтка продавала их за сорок рублей. Буфетчица покалась: зам. председателя профсоюзной организации вместо того, чтобы талоны на кроссовки отдавать рабочим, приобретал на них кроссовки, которые буфетчица и продавала по завышенной цене.

Раскрыли мы дело, зам. начальника профсоюза арестовали, но председатель написал прокурору письмо с просьбой отпустить заместителя. Прокурор отказался, и его вместе со мной — на ковёр к секретарю горкома партии, хотя компартия уже на ладан дышала и вскоре пала. Секретарь возмутился: как вы смели поднять руку на председателя профсоюза всего лесопромышленного комплекса, к тому же известного общественного деятеля?!

А перед походом в горком партии ко мне пришли журналисты усть-илимской газеты, и я все как на духу поведал о мошеннике из профсоюзного начальства. Газета вышла, и по всему городу пошли возмущенные разговоры о том, что заместитель председателя профсоюзной организации Усть-Илимского лесопромышленного комплекса занимается спекуляцией.

Сколько было возмущений из горкома партии в мой адрес! Со всех сторон меня бранят! А я не понимаю, что я сделал неверно, я просто исполнил милицкий долг. Слава Богу, хоть прокурор был на моей стороне. Председатель профсо-

юза в то время баллотировался в депутаты Верховного Совета РСФСР, и в ЛПК на его депутатство возлагали большие надежды. Но коль заступился за своего заместителя, уличенного в спекуляции, и заступничество это озвучилось в газетах, на выборах пролетел, как фанера над Парижем.

Когда стараниями врагов народа рухнула Красная Российская империя, когда коммунистическую идеологию сменила дикая буржуазная, ОБХСС расформировали, и я ушел из отдела, а на месте ОБХСС создали ОБЭП — отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Заместитель начальника Усть-Илимской милиции попросил меня помочь ему построить здание милиции. Уже был достроен гараж, который надо было запускать. Словом, на некое время я, в ту пору уже майор милиции, ушел в хозяйственную деятельность. Руководил строительством и вводом в эксплуатацию новых зданий ведомства, обеспечением сотрудников пайками, мундирами, техникой.

Напомню историю Усть-Илимска... В 1975 году, после пуска гидроэлектростанции (ГЭС), начал строиться Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, о котором уже многожды упоминал; и строили ЛПК километров за двенадцать от города Усть-Илимска. Проложили трамвайные пути, чтобы рабочие ездили на работу из города. Удивительная картина: двенадцать километров трамвай бежит по глухой тайге! Усть-Илимск делился на два города — старый и новый: на правом берегу Ангары — старый город, где жили строители ГЭС, а новый город еще строился на левом берегу одновременно с ЛПК.

В новом городе была изумительная планировка кварталов и архитектура домов: современные лесные кварталы, построенные по проекту ленинградских архитекторов, так же как и в городе Саянске. Это были не бездушные пятиэтажки-хрущевки, а трехэтажные дома с интересной планировкой квартир — просторные кухни, большие комнаты. Деревья не вырубали во дворах и в окрестностях микрорайонов. В таком красивом современном городе мне и довелось пожить с женой Ольгой, там росли и мои сыновья Михаил и Павел.

* * *

В 1990 году заочно окончил высшую школу милиции, и однажды в Усть-Илимск командировали моего бывшего начальника ОБХСС, и тот пригласил меня в Иркутск, опять же, на хозяйственную службу в региональное управление по борьбе с организованной преступностью, короче, в РУБОП. Я написал рапорт о переводе и переехал в Иркутск, полагая, что, если в Иркутске не сложится работа, я всегда могу вернуться в Усть-Илимск — квартира есть, в милиции ждут.

Приехал в Иркутск, где начальство РУБОП, как я смекнул, решило: жалко, если оперативник с таким большим стажем будет прозябать в хозяйственниках; и назначили меня старшим опером РУБОПа по особо важным делам.

Глава IV

Преступления с убийством

Усть-Илимский ЛПК — градообразующее предприятие по переработке леса и производству целлюлозы. Кругом тайга, где леспромхозы заготавливали лес. Заготовленный лес пропускали через дробильные машины, превращали его в

мелкую щепу, варили до однородной массы, а потом отправляли на целлюлозный завод, где сырье варили, добавляли хлор, чтобы его отбелить, и через сушильные печи делали целлюлозу. Цель создания Усть-Илимского ЛПК и была в том, чтобы делать целлюлозу и отправлять ее за границу. Запустили ЛПК в 1977 году, и до крушения Советского Союза комплекс проработал лет десять.

Вначале предприятие было государственным, в девяностые годы его приватизировали, а когда шла приватизация, всем рабочим ЛПК выдали ваучеры, и они стали собственниками комплекса. Если есть ваучеры, можно было получить акции предприятия, и людей вносили в реестр акционеров, а значит, они могли находиться в управлении предприятия.

Быстро появились лихоимцы, по дешевке скупавшие у народа ваучеры — в итоге образовалась финансово-промышленная группа «Минатеп», которая скупала все акции и объявила себя собственниками. Провели собрание акционеров, выбрали совет директоров и начали работать. Руководство группы находилось в Ленинграде.

Но не все компании, входящие в ЛПК, хотели работать вместе, в едином комплексе. Скажем, бывший мэр Усть-Илимска был директором компании «Ксилема», которая из леса производила щепу для целлюлозного завода. Директор решил самостоятельно акционировать ЛПК, скупить все акции и создать акционерное общество «Ксилема». Но финансово-промышленная группа «Минатеп» воспротивилась акционированию ЛПК «Ксилемой». Одновременно с «Ксилемой» выделен из ЛПК и целлюлозный завод, акции которого скупала финансово-промышленная группа «Минатеп». Группа скупала и акции Братского ЛПК, то есть захватила основные предприятия, поставляющие продукцию на экспорт.

Время было лихое, когда лихоимцы, ограбившие государство, сцепились и меж собой в переделе наворованной собственности. В Москве убили директора Братского ЛПК, за то, что тот, минуя ленинградскую финансовую группу, которая являлась акционером предприятия, пытался заключить договора по экспорту продукции завода за границу напрямую.

В эту пору и началось жесткое противостояние между «Ксилемой» и целлюлозным заводом, продающим целлюлозу за границу. «Ксилема» скупала у леспромхозов лес, заключила партнерское соглашение с целлюлозным заводом и поставляла заводу древесную щепу, из которой и производилась целлюлоза. Вырученные деньги «Ксилема» перечисляла леспромхозам, чтобы рассчитаться за лес, и денег не хватало, поскольку, по мнению руководства «Ксилемы», хозяева целлюлозного завода обманывают их. То есть, завод варит целлюлозы больше, чем заявляет, соответственно денег с продажи за границей сырья получает больше, чем та сумма, которую выплачивает «Ксилеме». Скажем, говорят, что из тонны щепы варится такое-то количество целлюлозы, а реально производят намного больше.

Вначале компании враждовали цивилизованно, путем судебных разбирательств, но законные пути не увенчались успехом.

Директор «Ксилемы» начал думать, как получить у завода недоплаченные деньги, и решил применить хитрую тактику. Есть такое понятие — «переуступить право требования», когда человек, которому должны деньги, передает право требовать долг другому человеку или организации. Проще говоря, должник будет отдавать деньги не тому, кому он непосредственно должен, а другому человеку либо другой организации. Руководитель «Ксилемы» передал право требовать деньги «Народному банку» в Братске, который прикрывали бандиты из братской ОПГ

(организованная преступная группа), что в девяностые годы «славилась» изощренными махинациями, участием в криминальных разборках, грабежами и убийствами.

Руководитель «Ксилемы» заключил юридический договор, что «переуступает право требования» «Народному банку», зная, что криминальные «банкиры» возьмут лихой процент за работу, но, тем не менее, «Ксилема» получит хотя бы часть денег. Бандиты на таких услугах зарабатывали деньги, причем большие, миллионы долларов.

Дальше круче: представители банка нагрянули на целлюлозный завод и, угрожая смертельной расправой, потребовали для «Ксилемы» деньги, которые завод не доплачивал. Директор завода испугался и вскоре передал деньги руководителю «Ксилемы»; тот половину отдал «Народному банку», а банк — бандитам.

Сумма, которую получила братская банда, была большой, и бандиты задумались, как деньги сохранить и приумножить. Первым делом усть-илимские деньги перевезли в Москву и в столице стали гадать, куда с пользой вложить деньги бандитского «общака».

Тем временем в РУБОП поступила весть о том, что братская ОПГ получила огромную сумму денег от Усть-Илимского ЛПК, но было непонятно, каким путем добыты деньги. Мне поручили заняться этим делом, учитывая, что я долго служил в усть-илимской милиции.

Я приехал в Усть-Илимск, и начал выяснять, почему ЛПК отдал такую большую сумму денег братским бандитам. Жил я в Усть-Илимске полтора месяца, и, раскручивая это дело, вдруг вышел и на более сложную финансовую махинацию.

Среди братских бандитов был тип по кличке Кассир, который, как я выяснил, приезжал к директору завода и вёл переговоры по поводу денег. Вспоминали очевидцы, что Кассир в норковой шубе до пят выглядел экзотично... Я встретился с директором целлюлозного завода и начал его выспрашивать, с какой целью приходил Кассир, что говорил. Директор о мошеннической схеме умолчал; сказал, что Кассир предлагал погашение задолженности перед Пенсионным фондом Иркутской области: дескать, вы нам даете целлюлозу, мы ее продаем и оплачиваем ваши долги перед Пенсионным фондом. В то время у многих предприятий возникла задолженность перед Пенсионным фондом, и, коль денег не было, рассчитывались бартером, то есть продукцией.

Предложение Кассира директор целлюлозного завода отверг, и тогда я спрашиваю:

— А есть предприятия, которые приняли подобные предложения?

Директор ответил:

— Руководство Усть-Илимской ТЭЦ согласилось, чтобы таким образом были погашены их долги перед Пенсионным фондом.

А Усть-Илимский ЛПК должен был ТЭЦ за электроэнергию и за воду, и расплатился целлюлозой, а ТЭЦ, по словам директора, отдала целлюлозу кому-то и на вырученные деньги погасили долги в Пенсионный фонд. Я понял, что братская ОПГ таким образом увела изрядные деньги: обратилась к ТЭЦ с предложением погасить их долг перед Пенсионным фондом, чтобы взять у них целлюлозу, продать ее и, не погашая долга, присвоить вырученные деньги. Я приехал на ТЭЦ, где мою версию подтвердили.

Я вышел и на того, кто стоял за мошеннической схемой «погашения долгов Пенсионного фонда». Это был руководитель фирмы «Моби», бывший партийный

функционер, братчанин. География его мошенничества была обширной — Москва, Одесса, Братск, Иркутск. Заявляя, что действует от имени Союза предпринимателей Иркутской области, заручившись документом областного Пенсионного фонда о том, что у него есть полномочия требовать за долги продукцию предприятий, мошенник ездил по Иркутской области, встречался с руководителями предприятий — должниками и предлагал хитрую схему погашения долга. На первый взгляд схема кажется законной, но в реальности происходило следующее — этот представитель Союза предпринимателей Иркутской области брал на реализацию продукцию предприятия, продавал ее, а в Пенсионный фонд отдавал не всю сумму, а значительно меньше, порой сущие копейки. Таким образом, предприятия долги свои перед Пенсионным фондом не закрывали, и при этом лишались продукции.

Мошенник дьявольски обогатился за счет эдакого подлого обмана, взяв продукции с восьмидесяти предприятий Иркутской области на сто миллионов рублей, а в Пенсионный фонд поступили жалкие гроши.

Скажем, Железногорский горнорудный комбинат должен был Пенсионному фонду пятнадцать миллионов рублей, и представитель Союза предпринимателей взял у комбината рельсы, продал рельсы, с комбинатом рассчитывался бартером — зеленым горошком, а денег поступило на погашение задолженности в Пенсионный фонд опять же копейки. Потом даже железную дорогу так же обвел вокруг пальца, присвоив сорок миллионов рублей.

Я обратился к директору Пенсионного фонда, и предложил написать заявление на этого руководителя фирмы «Моби», но тот не стал писать; боялся, если напишет заявление, с ним расправятся братские бандиты, с которыми мошенник был повязан. А ведь Пенсионный фонд — государственная структура, а значит, совершались преступления перед государством. Но директор Пенсионного фонда слышал, что бандиты уже убили некоего руководителя, которого втянули в мошенническую «пенсионную» схему. Словом, директор жутко испугался, и сидел белый, как полотно, когда я к нему зашел. А если бы написал заявление в прокуратуру, вмиг бы арестовали этого представителя Союза предпринимателей, который уйму предприятий по сути обокрал.

Помню, иркутский журналист в статье прописал, как этот мошенник взял в колонии лес, чтобы продать и погасить задолженность колонии перед Пенсионным фондом, и умудрился даже начальство колонии обвести вокруг пальца.

У братских бандитов были большие связи, даже в органах милиции, и когда я расследовал уголовное дело, на меня давило разное начальство, чтобы я бросил дело, и высокие чины просили отступить, бросить дело, но как я брошу, коли общался с руководителями предприятий, пострадавших от сего преступника, я их допрашивал, я обещал им разобраться, помочь. Не уговорив меня, искали нарушения и не находили — взятки не брал, работал хорошо, — словом, шантажировать было нечем.

А сей представитель Союза предпринимателей ходил жаловался генералу милиции, что я ему репутацию испортил — он, богатый бизнесмен, баллотировался в депутаты Законодательного собрания Иркутской губернии, слыл меценатом. Впоследствии купил байкальский хлебозавод, числился в руководстве Шелеховского хлебозавода, был акционером Братского автотранспортного предприятия. Амбиций было выше крыши, ему даже изготовили именной коньяк.

Его так и не привлекли к уголовной ответственности, но репутация была «подмочена». А такие люди страстно жаждали власти; половина областного депутат-

ского корпуса в девяностые, нулевые годы пришла к власти, перед тем обогатившись с помощью мошеннических схем. Я возбудил несколько уголовных дел.

Помню, мошенничество с колонией в РУБОПе решили вынести в отдельное дело и раскрыть. Но, проведав об этом, представитель Союза предпринимателей тут же приехал в колонию и возместил ущерб, поставив колонии автомобильную резину на сумму ущерба. Дело прекратили.

Иркутскую губернию, как и всю Россию, захлестнула преступность, и, помню, когда начали возбуждать уголовные дела по экономическим преступлениям, криминальные коммерсанты убили некоего посредника, поскольку испугались, что он может остальных выдать. Вот и наш руководитель фирмы «Моби» испугался, что и его по той же причине уберут, поскольку находится под следствием. Горькая участь миновала, но все его партнеры, вся группировка отвернулись, как и предприятия, с которыми работал. Амбиции у него были на уровне губернского министра, но всё пошло прахом, когда все отвернулись.

Я этим мошенническим делом два года занимался, но завершить дело не удалось, — следственные службы еще не имели опыта и механизмов, чтобы распутывать подобные сложнейшие экономические преступления и доводить их до завершения. Вскоре РУБОП расформировали, и я ушел на пенсию. Сейчас, по прошествии лет, вспоминаю, что работа в отделе расследования экономических преступлений была очень тяжелой, — сплошь бессонные ночи, сложные командировки, предельное нервное напряжение, ибо и жизнь в опасности.

* * *

Но вернемся в Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, где опять началось противостояние между «Ксилемой» и целлюлозным заводом, который нарушал нормативы и выплачивал компании не все деньги по партнерскому договору. В это время убивают заместителя начальника по финансам целлюлозного завода. Подозрение пало на руководителя «Ксилемы». Его допросили, но тот все отрицал, и доказательств не было. А когда сменились руководители целлюлозного завода, они, испугавшись возмездия, стали исправно платить «Ксилеме» все деньги, полученные после переработки леса. А руководитель «Ксилемы» начал делать политическую карьеру и вскоре занял пост мэра Усть-Илимска.

Того, кто убил заместителя директора целлюлозного завода, нашли, арестовали, но тот не выдал заказчика. Убийца посидел в тюрьме и вышел на свободу раньше срока. А ему по освобождению заказчик обещал хорошую сумму, но не заплатил, посему убийца написал заявление в милицию и выдал того, кто заказал убийство, а им оказался бывший руководитель «Ксилемы», нынешний мэр Усть-Илимска. Его задержали, осудили и отправили в колонию строгого режима.

Расскажу еще об одном деле, которым занимался. В РУБОП с заявлением обратился руководитель Белореченского птицекомплекса Гавриил Франтенко, у которого мошенническим путем похитил три миллиона рублей один из его постоянных партнеров, что занимался поставкой зерна из Казахстана. Франтенко ему доверял, а посему преспокойно выдал три миллиона рублей на то, чтобы тот закупил зерно... Партнер словно в воду канул, и я начал расследовать это дело: выяснил, что мошенник продал в Иркутске квартиру и уехал в неизвестном направлении.

РУБОП возбудил уголовное дело, объявил во всероссийский розыск. Через месяц мошенника задержали в аэропорту Москвы. Я был оперативником, мое дело

*Служивцы. Крайний слева И.И. Романов;
пятый слева его друг В. Шехирев.*

раскрыть преступление, а дальше за доставку его из Москвы отвечали следственные органы, а те посчитали, что доставка преступника выльется в большие затраты — билеты, гостиницы, конвоиры, и не выделили мне ни денег, ни людей. Я начал их убеждать, что нужно довести дело до конца —

ведь ущерб причинен государственному предприятию, которое обеспечивает яйцами и мясом птицы всю Иркутскую область. Пока я убеждал следственные органы, перепуганный мошенник ухитрился, будучи под арестом, вероятно, при помощи сообщников, кого-то еще обмануть, выручить деньги, и возместил предприятию Франтенко причиненный ущерб.

Глава V

Липовые полковники

В девяностых годах, как уже упоминалось, я работал в РУБОП — региональное управление по борьбе с организованной преступностью. Много было разных дел, необычных, сложных. Хочу поведать об одном из самых экзотичных уголовных дел...

В девяностые годы процветала наркомания, и я получаю сведения, что на Марковской птицефабрике в бывшей лаборатории есть клиника по лечению наркомании. Руководит этим лечебным заведением Сергей Николаевич Золотарёв, бывший полковник ФСБ. Видеосюжет о клинике показывали по телевидению, некий кандидат медицинских наук написал научную статью о лечении наркомании путем воздействия компьютерной томографии на некие участки головного мозга. Лечащим врачом работал кандидат медицинских наук, что готовился к защите докторской диссертации в Москве, а жена помогала ему лечить наркоманов.

Со мной сотрудничал негласный помощник, который знал наркомана, и решил его вылечить в упомянутой клинике. Отправил, а наркоман звонит ему через неделю, плачет, возмущается, говорит, чтобы забирал его из клиники — никакого исцеления, пустая трата денег. К сему в лечебном учреждении создали жесткие условия для больных, а наводили порядок в клинике, охраняли сотрудники милиции, которые занимались борьбой с распространением наркомании.

Когда неизлеченный наркоман позвонил моему помощнику, тот поехал его забирать, а заодно обратился к руководству лечебного заведения, чтобы вернули деньги, которые они отдали за лечение... Деньги им не вернули...

Клиника являлась филиалом частного медицинского учреждения, коим владела подруга полковника ФСБ в отставке Золотарёва... Я решил проверить, как ведется лечение, насколько оно соответствует их лицензии. Поехал в областную наркологическую больницу и попросил директора съездить со мной в эту клинику и проверить, как ведется там лечение, является ли эта клиника настоящим государственным учреждением. Он так удивился, поскольку официальное государственное учреждение, которое занималось лечением наркомании, было только одно в Иркутской области, — больница, которой он руководил.

Приезжаем в Марково; у входа в клинику сидят милиционеры, охраняют, но вынуждены были пропустить нас. В клинике директор наркологической больницы начал разговаривать с руководителем клиники — бывшим полковником ФСБ и лечащим врачом — кандидатом наук. Я в медицинских терминах не разбираюсь, не понимаю, о чем они говорят...

А до этого я решил узнать о директоре клиники... В соседях у меня жила работница Областного управления здравоохранения, и эта соседка мне говорит, что «у Золотарёва все схвачено», могучие связи, даже в органах областной власти, а посему, даже если в клинике найдешь нечто криминальное, то привлечь его к ответственности будет крайне сложно.

После этого разговора спрашиваю директора областной наркологической больницы:

— Какое у Вас впечатление о директоре клиники?

Отвечает:

— Образованный, хорошо знающий свое направление деятельности. Возможно, врач...

Будучи в клинике, изучил личные дела больных, и обнаружил среди договоров квитанции, каждая — условно тысяч на двадцать нынешними деньгами. Но я заметил: на квитанциях было вписано другое медицинское учреждение, с другим адресом, и фамилия другого руководителя. По указанному адресу — Горького, 14, судя по рекламе, находился центр, наподобие скорой помощи, где ускоренно лечили от токсикомании, наркомании и алкогольного отравления. Я пришел на Горького, 14, спрашиваю:

— У вас есть филиал в поселке Марково?

Мне ответили, что у центра нет такого филиала.

Я забрал все медицинские карты больных с договорами и квитанциями, и вызвал в РУБОП Золотарёва, директора клиники, бывшего полковника ФСБ.

Выяснил, по закону о медицинском лицензировании, если, скажем, на квитанциях указан адрес Горького, 14, то именно по этому адресу и должно производиться лечение. Одним словом, лечение в клинике поселка Марково проводилось без лицензии, то есть незаконно, поскольку у всех документов был другой адрес.

Я начал расследовать дело; вызвал на допрос матерей, родственников наркоманов, что лечились в Марковской клинике. Родственники жаловались, что отдали большие деньги за лечение, а их дети и внуки так и остались наркоманами. Среди родственников были пенсионерки, продавшие квартиры, чтобы заплатить за лечение внуков.

Допросил лечащего врача из злополучной клиники, будущего доктора наук, и он мне поведал, что они с женой ушли от Золотарева. Врач, ждавший вызова из Москвы для защиты докторской диссертации, испугался, что я испорчу ему научную карьеру. Я успокоил врача, что претензий к нему не имею, поскольку к незаконным действиям бывшего полковника ФСБ он не имеет никакого отношения.

Когда я дальше начал распутывать это дело, выяснил забавные детали. Обнаружил научную статью о методике лечения в Марковской клинике, которую директор показывал родственникам наркоманов и уверял, что это статья ученого и врача, работающего в клинике. Ученый посмотрел и ответил:

— Я не являюсь автором сей статьи, она написана директором клиники Золотарёвым...

— Но ведь директор не медик...

Врач пояснил, что у директора феноменальная память, и однажды он посмотрел, как его врач ведет прием, запомнил все медицинские термины, и потом точно так же общался с вновь прибывающими в клинику.

Почему же люди платили такие деньги, а не получали должного лечения?.. Методика была действенной, но для того, чтобы наркоман исцелился, требуется не месяц, и даже не полгода, а год. А это невыгодно для клиники, прибыльно с месяц полечить, а потом сразу же набирать других.

После изучения документов, решил допросить героя загадочной истории, Сергея Николаевича Золотарёва, якобы бывшего полковника ФСБ... Перед этим я позвонил в ФСБ, чтобы узнать, действительно ли Золотарев служил в ФСБ в чине полковника, на что в службе безопасности мне ответили, что Золотарёв не имел к ФСБ никакого отношения; хотя попросил на время в больнице ФСБ центрифугу, где промывают кровь, но так и не вернул.

Когда я привез липового полковника ФСБ Золотарёва в РУБОП, на проходной потребовали документы, и Сергей Николаевич достал визитку, где золотым цветом на черном фоне была написана его фамилия и должность — «директор Марковской птицефабрики». Охранник, разумеется, визитку не принял за документ, но я доставил подозреваемого в кабинет на допрос. Спрашиваю:

— Вы полковник ФСБ или директор птицефабрики? Покажите документы...

А он мне говорит:

— Какие документы?! Никаких документов показывать не буду.

После допроса я подал рапорт на имя начальника РУБОП о том, что задержан странный человек, который представляется полковником ФСБ, но таковым не является, личность не установлена, и разрешите мне его задержать и поместить в спецприемник. Разрешили... Привожу, а в спецприемнике сидит сотрудница и говорит:

— О, Ковалёва привели!..

Я говорю:

— Это же Золотарёв...

А сотрудница:

— Странно, два года назад он был в нашем спецприемнике под фамилией Ковалёв...

Начали липового полковника фотографировать и брать отпечатки пальцев, а тот постоянно меняет мимику лица и пальцем крутит, чтобы получился нечеткий отпечаток. Сотрудница в спецприемнике не может с ним сладить; потом я сурово убедил Золотарёва-Ковалёва спокойно себя вести, и мы сфотографировали его и взяли отпечатки.

Возбудили уголовное дело за незаконное предпринимательство. Я начал расследовать дело и отправил в Москву, в научно-исследовательский институт МВД требование о проверке отпечатков пальцев лжеполковника, но пришли сведения, что, когда он задерживался под фамилией Ковалёв, то намеренно исказил отпечатки, а посему никаких сведений институт предоставить не может.

Когда липовый полковник сидел во временном спецприемнике, он врал сокамерникам о том, что работал в секретном подразделении ФСБ, сотрудники которого имели опознавательный знак — татуировку в виде бабочки на ноге. Лихоимец имел изрядные знания в разных областях истории, юриспруденции, экономики, науки, и сокамерники слушали его, затаив дыхание...

Чтобы его арестовать за незаконное предпринимательство, РУБОПу нужно было получить санкцию прокурора Марковского района. Когда я привел лжеполковника к прокурору просить санкцию на арест, прокурор попросил подозреваемого представиться. Поскольку у того не было документов, он показал прокурору ту же визитку, где написано, что он директор Марковской птицефабрики. Прокурор возмутился:

— Кто же Вы на самом деле: директор Марковской птицефабрики или полковник ФСБ?

И тут же дал мне санкцию на арест Золотарёва-Ковалёва, которого посадили в следственный изолятор, и началось расследование. Во время следствия этот директор наркологической клиники и якобы полковник ФСБ, и якобы директор птицефабрики нанял дорогого адвоката...

У расследования есть установленные законом сроки, в течение которых должна быть установлена личность арестованного, проведено расследование, и дело передано в суд. В Америке человек может пожизненно сидеть в тюрьме, пока расследуется его дело, если даже личность подозреваемого не установлена. В России другое законодательство: если личность не установлена, и его дело нельзя отправить в суд, подозреваемого отпускают.

А как установить личность псевдополковника?.. Все фамилии, кем назывался раньше, уже отрицает, настоящую таит. Выдумывает причудливые истории... Сочинил байку, как документы у него пропали во время бомбежки в Чечне. Начали проверять эту версию. Многие мои сослуживцы уже отвоевали в Чечне, и мы выясняли у подозреваемого, где он жил в Чечне, но ничего не добились. Помню, он всем ходил рассказывал, что не может подкупить меня деньгами, чтобы я его отпустил. Адвокат тоже обращался ко мне, просил, чтобы я освободил его. А я говорю:

— Как я его отпущу? Чтобы отпустить, мне нужно хотя бы документы на кого-то оформить, а я даже не знаю, как его зовут...

Дама, с которой он жил, тоже не знала его истинной фамилии.

Я удивился, спрашиваю:

— Неужели Вам не интересно, с кем Вы живете?

Отвечает:

— Мне безразлично, какая у него фамилия, я его люблю и без фамилии...

Да и как эдакого не полюбить — красавец, умный, денежный; и дама сердца каждый день да через день прибегала к любимому в изолятор с подарками.

Пока шло выяснение его личности, закончился срок рассмотрения дела, и прокуратура потребовала освободить, тем паче преступление не тяжкое — не убийство, не изнасилование, а лишь незаконное предпринимательство. И только его освободили, в этот же день приходит ответ на наш запрос из милиции города Биробиджана; в ответе — уведомление о том, что нашли отпечатки пальцев липового полковника, и отпечатки принадлежат осужденному, сбежавшему из-под стражи четыре года назад. Озвучивается его истинная фамилия с именем, отчеством и за что осудили.

О ту пору мошенник явился домой, где его ждала дама сердца, принял душ, решил отоспаться после «обезьянника», а тут приезжаю я, забираю его из теплой постели и опять везу в спецприемник.

Оказалось, подозреваемого осудили в Хабаровске за мошенничество, назначили наказание в виде лишения свободы на четыре года, и отправили в колонию, что размещалась в городе Биробиджане Амурской области, откуда тот сбежал. А побег вышел забавный... На зоне подружился с офицерами, обаял их, и когда те надумали погулять с банькой и шашлыками, то взяли и его на гулянку, которую устроили за пределами колонии. Гулянка завершилась тем, что офицеры упились и уснули, а преступник встал из-за стола и ушел... Офицеров потом, конечно, со скандалом уволили...

Оказалось, до создания иркутской клиники липовый полковник ФСБ уже дважды был судим. Чем занимался до того, как попал в места лишения свободы?.. Промышлял мошенничеством, авантюрист высокого полета, похожий на Остапа Бендера.

Когда в Биробиджане узнали, что мы поймали мошенника, сразу же примчались в Иркутск; но биробиджанскую колонию закрыли, и липового полковника послали в колонию, что в окрестностях города Зима.

* * *

Довелось мне расследовать другое дело, где тоже фигурировал липовый полковник. Помню, кажется, в 1996 году произошло убийство заместителя директора Энергосбыта. Вышел погулять с собакой, и убили... Сослуживцы Энергосбыта подумали, что тот некому опасному типу перешел дорогу в своих финансовых схемах, и так испугались, что не знали, как дальше работать, как выстраивать финансовую политику. Смутные, лихие были времена...

В Москве появилась финансово-промышленная группа, которая хотела стать акционером кабельного завода в Иркутске. А на кабельном заводе была другая структура — «Байкалснаб», что занималась взаимозачетными операциями с партнерами по всей стране. «Байкалснаб» контролировали братские бандиты. Московская финансово-промышленная группа уговорила директора кабельного завода передать ей пакет акций, после чего «Байкалснаб» остался не у дел. Эдакий финт не понравился братским жуликам, по версии РУБОПа те решили отомстить: убили вначале заместителя директора, а потом и директора кабельного завода.

Мне поручили заняться этим делом... с экономической точки зрения. Вначале я проверил тех, кто работал на заводе, и вышел на первого подозреваемого — бывший милиционер, который руководил подсобным хозяйством. Когда начались структурные изменения, его уволили, и тот в сердцах посулил начальству: «Вы еще кровью умоетесь!». Оказалось, что бывший милиционер сказал это в гневе, но к убийствам не был причастен.

В РУБОПе бытовала версия, что убили директора кабельного завода и его заместителя братские бандиты, но доказать их причастность к двум убийствам управлению не удалось.

А руководителя подсобного хозяйства и его друга мы задержали не напрасно — друзья вывели РУБОП на другие преступления... Друзья поведали историю про бывшего заключенного, который выдавал себя за полковника... Этот зэк купил мундир полковника, приехал на родину, в бурятскую деревню; потом гостил в районном

селе Кырен. Хотелось покуражиться, устроить представление, раз уж надел форму полковника... Приехал в Кырен и начал уверять бурят, что он в чине полковника, приехал из поселка Чистые Ключи, где размещается дивизия. Убедил, что имеет большие связи в армии, и может договориться о продаже кыренцам армейских грузовиков из Чистых Ключей. И, коль народ поверил, липовый полковник собрал изрядно денег под обещанные автомобили.

Между тем пил, гулял, встречался с тамошним начальством, в том числе, с прокурором, и со здешним буддийским ламой. Так куролесил, что пьяный поехал с ламой на машине и разбил машину.

И вот неделю гулял в селе, и один бурят, который дал денег на автомобиль, начал требовать:

— Когда поедem за машинами?..

Липовый полковник возмутился:

— Ты что, полковнику не веришь, негодяй?

И вдруг достал газовый пистолет, переделанный в боевой, и пытался пристрелить настойчивого бурята. Тот чудом уцелел, побежал в милицию, рассказал, что полковник хотел его пристрелить. Милиционеры задержали полковника-самозванца, отобрали пистолет, сняли полковничью форму...

Задержанный ранее по пьянке получил пулевое ранение, и рана загноилась. Вызвали врача, а потом милиционеры решили не связываться с якобы пустяковым делом и отпустили мошенника. Хотя даже не провели расследование, что он собирал деньги, обещая армейские машины из Чистых Ключей...

Но в отделе милиции осталась разбитая машина, на которой липовый полковник ездил с ламой. Сотрудники отдела милиции проверили и выяснили, что это машина иркутянина, убитого по дороге от Иркутска до Листвянки из пистолета, похожего на тот, что был у самозванца-полковника.

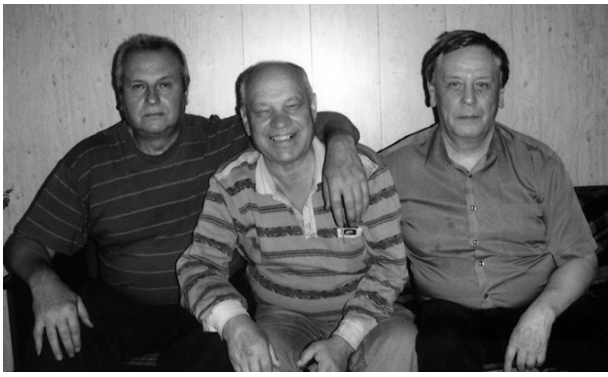
Тем временем, герой нашей истории едет из Кырена в помянутые Чистые Ключи, на повороте дороги останавливается в кафе, которое так и называлось «На повороте». Кафе открыл бывший заправдашний полковник, друг уволенного милиционера, руководившего до увольнения подсобным хозяйством кабельного завода.

Будучи в офицерском мундире, опять представившись полковником, лиходей сей подружился с хозяином кафе, погулял с ним на славу, а потом пожаловался, что в Кырене у него забрали пистолет и якобы большую сумму денег. Его новые друзья вызвались помочь вернуть пистолет и деньги, надеясь получить изрядный процент за помощь.

Приехали в Кырен, где в милиции им растолмачили, что их водит за нос не полковник, а бывший зэк, стрелявший в местного жителя. Хозяин кафе и его товарищ поняли, что липовый полковник их надул; привезли его в кафе «На повороте» и в отместку заставили ремонтировать их автомобиль УАЗ — в колонии бывший зэк занимался ремонтом машин.

И вот самозванный полковник живет в кафе «На повороте», ремонтирует УАЗ. А в кафе однажды заглянули жулики из Ново-Ленинского района города Иркутска; из разговора с хозяином заведения вывели: у них кантуется оригинальный авантюрист, легко внушающий людям доверие; изображает полковника, и люди верят. Жуликов эдакая весть воодушевила, и они выпросили у хозяина кафе их работника.

Стали обогащаться мошенническим образом: одели бывшего зэка в милицескую форму, дали поддельное удостоверение следователя, и пришли с обыском

Слева направо: сослуживцы Л. Фурсов, И. Романов, В. Шехирев

в квартиру некоего бизнесмена. Лжеследователь составил протокол при жуликах, избравших понятых. Во время обыска изъяли всю электронную технику, всё ценное, что было в квартире, и ушли. Бизнесмен на следующий день пошел в отделение милиции узнать, что будет с ним дальше, каковы результаты расследования, а в отделении эту команду не знают, и такой милиционер у них не числится.

Началось расследование по поводу ограбления бизнесмена, но поймать лже-милиционера оперативники не успели, тот после очередного преступления — вымогали деньги у другого бизнесмена — разбился на машине вместе со своей любовницей, которая, кстати, работала в милиции. Тем и завершился век второго липового полковника...

Когда я вел расследование по убийствам директора кабельного завода и его заместителя, то попутно выяснил, что самозванный полковник подарил любовнице-бурятке золотой крест с цепочкой, а этот крест был снят с человека, убитого по дороге в Листвянку. Оказалось, что лже-полковник был еще и убийца...

Сложность работы в РУБОПе таилась в том, что, скажем, расследуешь мошенничество — выходишь на другое дело, связанное с убийством; и наоборот, поскольку мы боролись с изощренной организованной преступностью.

* * *

Мне, слава Богу, грех жаловаться на свою судьбу: служил не за страх, а на совесть, расследовал уйму больших и малых дел, почитался сослуживцами. За двадцать пять лет службы приходилось сталкиваться с низменными похотями людей, но и на своем веку довелось общаться по службе и дружить со многими прекрасными людьми, которые оставили в моей душе добрую память. Благодарю Бога, что у нас с женой Ольгой выросли трое детей — Михаил, Павел, Екатерина, получили высшее образование и уже имеют изрядные достижения в своих профессиях. Благодарю Бога и за то, что в зрелые годы судьба свела меня с протоиереем Евгением Старцевым, и душа моя обрела спасительную веру. Аминь!

Освящение дома И.И. Романова. Слева направо: художник А. Москвитин, писатель А. Байбородин, подполковник полиции И. Романов, настоятель Михайло-Архангельского (Харлампиевского) храма протоиерей Евгений Старцев.